

**ЛЕВ
СЛАВИН**

ИЗБРАННОЕ

Лев Исаевич Славин

Интервенция

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158746

Лев Славин «Избранное»: Художественная литература; Москва; 1981

Аннотация

Пьеса Л. Славина «Интервенция» появляется в театрах страны спустя три года после романа «Наследник». Пьеса эта, кажется, ничем не подготовленная в отечественной драматургии, дерзкая, карнавально яркая, порой резкая до плакатности и гротеска, наивная и правдиво точная одновременно, не имевшая подражания, как и стоящая на особицу, – она и сегодня живая и сущая.

Содержание

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	8
Картина первая. ЗДЕСЬ ВСЯ ИМПЕРИЯ	8
Картина вторая. СОЛДАТЫ	21
Картина третья. РУЖА НЕТТА...	37
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	53
Картина четвертая. LA FLAMME DE LA REVOLUTION RUSSE!	53
Картина пятая. СЕМЬЯ КСИДИАС	69
Картина шестая. ЧАСОВОЙ АЛИ	79
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	90
Картина седьмая. «ВЗЯТИЕ ДАРДАНЕЛЛ»	90
Картина восьмая. НОЧЬ 1919 ГОДА	100
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	111
Картина девятая. ТРИ БОЛЬШЕВИКА	111
Картина десятая. КУДА ВЫ ДЕВАЛИ ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР?	124
Картина одиннадцатая. НА ОДЕССУ!	131
Картина двенадцатая. БРАТСТВО	136

Лев Славин

Интервенция

**Пьеса в четырех действиях,
двенадцати картинах**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бродский, Жанна Барбье, Орловская, Степиков – большевики-подпольщики.

Бондаренко – торговый моряк.

Санька – восемнадцатилетняя.

Мадам Ксидиас – негоциантка.

Женя Ксидиас – ее сын, юноша.

Генерал – командующий силами Антанты на юге России.

Полковник Фредамбе – начальник штаба союзного командования.

Капитан Филлиатр. Лейтенант Бенуа. Капрал Барбару.

Селестен, Марсиаль, Гастон, Жув – зуавы.

Али – сенегальский стрелок.

Мацко – рабочий помоложе.

Левит – рабочий постарше.

Филипп (Филька-анархист) – бандит.

Мария Токарчук – убийца.

Имерцаки – человек с асимметричным лицом,

Петя – парень с верфи.

Аптекарь.

1-й господин петербургской наружности.

2-й господин петербургской наружности.

Конферансье.

Начальник патруля.

Стражник.

Партизаны, рабочие, солдаты, матросы, офицеры, белошвейки, артисты, дамы, господа, палачи.

...Мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры.

В. И. Ленин

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая. ЗДЕСЬ ВСЯ ИМПЕРИЯ

Бульвар. Весна. Лестница в порт. Множество нарядной публики.

Все смотрят вниз, в море.

Группа: 1. Мадам Ксидиас, негоциантка, одета в черный шелк и золото – пиковая дама с сильным налетом вульгарности. 2. Женя Ксидиас – ее сын, восемнадцатилетний, говорит аффективно, заинтересован впечатлением, какое производит на окружающих. 3. Его репетитор – мальчик лет тридцати, в студенческой куртке, астеник, лицо насмешливое, сильное, говорит мало, предпочитает посмеиваться, известен в доме Ксидиас под фамилией Воронов.

Ксидиас. Что ты видишь? Говори. Отчего ты молчишь?

Женя (*с большой старинной подзорной трубой*). Я вижу штыки, и капралы ругаются, и золотые плюмажи, и походные кухни, и кресты Почетного легиона, и сзади идут еще пароходы, и дым, и барабаны.

Ксидиас. Мсье Воронов, он видит барабаны. Что ты еще видишь, Женя?

Труба ломается.

Женя. Опять вывихнулась. Ты не можешь купить приличный бинокль!

Ксидиас. Это старинная вещь, мсье Воронов. Она у нас в роду три поколения.

Воронов. Может быть, через такую кишку смотрел Колумб, когда он подплывал к берегам Вест-Индии...

Женя. Ее купил мой дедушка. Он был вор.

Ксидиас. Ты опять начинаешь свои штуки!

Женя. Мой прадед был греческий рыбак. Нищий! Мой дед стал одесским контрабандистом. Золото! Моя мать пустила золото в оборот. Банкирша! Но я это золото промотаю. Я хочу быть пролетарием!

Ксидиас. Женя! Штуки!

Встречаются два господина петербургской наружности.

1-й. И вы здесь?

2-й. Как вам нравятся одесситки?

1-й. Здесь вся империя!

2-й. Ничего, правда?

1-й. Она сжалась в комок у моря.

2-й. Напоминают парижанок?

1-й. Но она начнет разворачиваться с сегодняшнего дня.

2-й. Пожалуй, немного толстоваты?

1-й. Сначала до Киева. Потом до Харькова. Потом до Москвы, потом до Петербурга.

2-й. Киевлянки тоньше?

1-й. Большевики хотели сбросить нас в Черное море. Мы их сбросим в Белое.

2-й. Очень милы, очень милы!

Ксидиас. Что ты еще видишь, Женя?

Женя. Я вижу облака, иволны, и капитаны кричат в рупора, и негры смеются, и вот кладут сходни, и вот солдаты прыгают на берег. Их очень много! Мамочка, явижу, наверно, дивизию! Мамочка, это дивизия, знаешь, какая?

Ксидиас. Какая?

Женя. Черная.

Ксидиас. Черная?

Женя. Как голенище!

Воронов. Цветные войска...

Ксидиас. Ах, мсье Воронов, лучше цветные, чем большевики.

Женя. Мамочка, а вдруг они цветные большевики?

Ксидиас. Штуки! Мсье Воронов, я хочу вам пожаловаться на вашего ученика. Вы живете с ним в одной комнате, но вы не знаете его.

Женя. Мамочка, донос? Мишель, не слушайте ее.

Воронов. Мадам, что случилось? Женя, вы опять проигрались?

Ксидиас. Хуже.

Воронов. Хуже? О, молодость!

Подходит Санька, она продает цветы, девушка грубая и застенчивая.

Женя. Господа, встретим союзников цветами!

Покупка цветов.

Группа: 1. Степиков, рабочий, одетый празднично, чтобы не выделяться в нарядной толпе; настроен по отношению к окружающей обстановке независимо и иронически. 2. Бондаренко, торговый моряк, наружности немолодой, веской, силится придать себе вид бульварного фланера. Оба говорят негромко и скупно.

Степиков. Почему твои цветы, девушка? (*Тихо.*) Ты видишь, там стоит такой пижон в лаковых туфлях?

Санька. Такой с грубым носом?

Степиков. Иди до него и скажи: «Господин Филипп, вас спрашивает Степиков, он имеет до вас дело». Будь вежлива, Санька.

Санька идет.

Бондаренко. Кто он?

Степиков. Филька-анархист.

Бондаренко. Не выдаст?

Степиков. Покупателей не выдают.

Подходит Филька-анархист. По манерам и одежде видно, что идеал его жизни – Макс Линдер. Знающие Фильку предпочитают не приближаться к нему вплотную.

Здорово, Филипп! Это мой товарищ, торговый моряк Бондаренко.

Филипп. Мое почтение! Филипп, свободный анархист. Ну, что вы скажете на Антанту? Через полчаса она будет здесь.

Бондаренко. Товарищ Филипп, нам нужно оружие.

Филипп. Понимаю. Шпайеры? Винты? Может быть, кинжалы?

Степиков. Пока что бомбы.

Филипп (*Саньке*). Будьте любезны, барышня! Вы видите, там стоит такая чудачка, в английском синем костюме?

Санька. Такая с перьями?

Филипп. Я вас прошу подойти до нее и спросить: «Мадам Токарчук, мсье Филипп интересуется – или у нас есть сейчас приличных бомб?»

Санька уходит.

Как поживает товарищ Бродский? Он что-то не бережет себя.

Степиков. А разве что?

Филипп. Я его вижу гулять по бульваре. Сегодня на бульваре горячо. Много жаб.

Бондаренко. Что такое?

Степиков. Говорит, на бульваре опасно. Много сыщиков.

Бондаренко. Мишель в такой компании, что ему не страшно.

Подходит Санька.

Санька. Мадам говорит: «Есть».

Филипп. Спасибо. Где моя голова? Как нарочно имеется чудная партия австрийских бомб со свежей начинкой.

Степиков. Почему?

Филипп. Как для вас?

Степиков. Как для меня.

Филипп. Четыреста пятьдесят дюжина. После ста штук скидка четыре процента. Доставка за счет покупателя.

Бондаренко. Это дорого. У нас нет таких денег.

Филипп. Свободные анархисты не торгуются.

Степиков. Ну да, они просто грабят.

Филипп. Не будем заводить здесь партийных дискуссий,

товарищи. Для успеха революции я скину по красненькой с дюжины. Сколько вам требуется бомб?

Степиков. Пока что сотня.

Филипп. Сотня... (*Бормочет.*) Сто на десять – восемь, четыре в остатке, три тысячи двести плюс сто тридцать... (*Решительно.*) Три косых. Это по-божески, товарищи.

Бондаренко. Есть у нас?

Степиков. Найдется.

Филипп. Когда доставить?

Степиков. Двадцать второго в десять утра.

Филипп. Адрес?

Степиков. Судостроительная верфь Ксидиас.

Филипп. Пароль?

Степиков. «Не здесь ли ремонтируется пароход „Юнион-Кастель-Кайн“? Ответ: „Мы давно ждем ваших корабельных канатов“.

Филипп. Уплата?

Степиков. На месте.

Филипп. Мое почтение. Дух разрушающий есть дух создающий. Если понадобится динамит по доступной цене, я к вашим услугам. (*Уходит.*)

Бондаренко. Куда вы положите оружие?

Степиков. Туда же, где лежит, которое мы у немцев купили.

Бондаренко. Вода не проникает?

Степиков. Не беспокойся.

Бондаренко. Смазываете?

Степиков. А то как же.

Уходят.

Воронов. Вы меня пугаете, мадам Ксидиас. Балы? Кокаин? Может быть, притоны?

Ксидиас. Знаете, мсье Воронов, я уже была бы довольна, если бы мой мальчик шлялся по притонам. Я была бы просто счастлива. Дело обстоит хуже.

Женя. Мамочка!

Воронов. Хуже?

Женя. Мишель!

Ксидиас. Ребенок снюхался с политикой.

Воронов. Что вы говорите?!

Ксидиас. У людей мальчики как мальчики: гоняют голубей или лазят девчонкам под юбки; а мой мерзавец сидит целыми днями за письменным столом и читает теорию прибавочной стоимости.

Воронов. Ах, вот как!

Ксидиас. Он вас обманывает, мсье Воронов. Он нас всех обманывает. Я нашла у него на столе под учебниками – знаете что?

Воронов. Порнографические открытки?

Ксидиас. Коммунистические брошюры!

Воронов. Откуда они у вас?

Женя. Мишель, от любви к революции!

Воронов. А без трепанья?

Ксидиас. Женя, смотри сюда. Ты видишь пакгаузы? Это набито шелками, коньяком, машинами до самой крыши. Смотри дальше. Паровые молоты. Мужчины. Девушки. Корабли. Судостроительная верфь. Смотри сюда. Гора. Зеркальные стекла. Аккредитивы. Американские доллары. Мексиканские доллары. Канадские доллары. Банкирский дом Ксидиас. И вот я тебя назначаю управляющим этим всем. Ты будешь вице-король страны Ксидиас. В девятнадцать лет!

Женя. Плевал я на это!

Ксидиас. Ты хочешь, чтобы тебя повесили?

Женя. Мне нравится быть повешенным. Робеспьер погиб на плахе. Демулену отрубили голову. Наполеон умер в неволе. Даже в самой их гибели есть нечто великое.

Ксидиас. Сморкач!

Мадам Ксидиас и Воронов уходят.

Женя (*вслед*). Буржуйка!

Появляется Филька-анархист.

Филипп. Напрасно вы отказались стать банкиром, напрасно. Для такого субчика, как вы, это прекрасная карьера.

Женя. В чем дело? Кто вы такой?

Филипп. Свободный анархист.

Женя. Ах, я слышал про вас. Вы...

Филипп. Смелей, малютка, больше жизни.

Женя... бандит...

Филипп. Среди мещан, ханжей и ростовщиков именно так

называется моя скромная профессия. Я неизбежное зло капиталистического строя.

Женя. О, я вижу, вы бандит с философией.

Филипп. Это не моя философия... Это философия Прудона, Бакунина, Кропоткина...

Женя. Вы интеллектуальны!

Филипп. Да, я кумекаю малость (*с жестами*) в анатомии и в клептомании.

Женя. Бросьте этот маскарад. Вы кончили университет?

Филипп. Нет, но я прочел всего энциклопедического словаря.

Женя. Вы подслушали мой разговор с матерью. Это подло!

Филипп. Вы по природе валет. Зачем вы сопротивляетесь природе?

Женя. Я не валет! Я революционер!

Филипп. Вам забивает голову этот большевистский фанатик Мишель Бродский.

Женя. Я не знаю никакого Бродского. Послушайте... Ах! Значит, это он? Ах! Откуда вы знаете?

Филипп. Я знаю все. Знать все – входит в мою профессию. Я знаю, например, что вы на днях проиграли в железку восемь тысяч рублей. Я даже знаю, чьи эти восемь тысяч рублей. Скажите, малютка: как вы думаете выпутаться из этого положения?

Женя. Дайте мне эти деньги!

Филипп. Пожалуйста.

Женя. Я правду говорю.

Филипп. За одну небольшую услугу.

Женя. Именно?

Филипп. Разнюхай, когда в мамашинем банке ляжет приличный куш, и сообщи мне. Тебе гарантирована десятая часть. Мы предпримем небольшой экс.

Женя. Довольно шуток! Я не бандит. Я революционер!

Филипп. Мне жаль твоей молодой жизни. Ты погибнешь, как свинья, вместе с твоим ненормальным Бродским и всей его оперой.

Женя. Пусть я погибну. Робеспьер погиб на плахе, Демутелену...

Филипп. Ша! Заткнись! Я уже слышал эту муру. Это хорошо, чтобы заливать калоши Бродскому. Я тебя знаю лучше.

Женя. А ты не боишься, что я на тебя донесу?

Филипп. Кому?

Женя. Полиции.

Филипп. Она у меня на жалованье. Прощай, малютка! Подумай о моем предложении. Дух разрушающий есть дух создающий. Десять процентов с оборота! (*Уходит.*)

Женя. Слушайте! Подождите! (*Бежит за Филиппом.*)

Входят мадам Ксидиас и Воронов,

Ксидиас. Окружите его мальчиками и девочками из лучших семей.

Воронов. Будьте покойны. При моих связях...

Ксидиас. Я хотела бы, чтобы он приобрел аристократические манеры.

Воронов. Он станет принцем.

Ксидиас. Вышибите ему из головы политику.

Воронов. Я всажу ему туда арифметику.

Дама. Идут! Идут!

Другая дама. Я вижу голубые шинели! Я вижу черные усики! Я вижу множество черных усиков!

Белый офицер. Как прекрасна регулярная армия!

1-й господин петербургской наружности. Вы слышите шаги? Это шагают союзники. Они прошли весь мир. Ничто не устояло перед ними.

2-й господин. Франками интересуетесь? Три рубля шестьдесят копеек. Долларами интересуетесь?

1-й господин. Бальзаки! Вольтеры! Жорж Санды!

Белый офицер. Гаубицы! Бомбометы! Танки!

2-й господин. Аспирином интересуетесь? Есть два вагона аспирина.

Ксидиас. Мсье Мишель, смотрите. Сила!

Воронов (*бормочет*). Славные парни... Очень усталые...

1-й господин. Ну, берегитесь! Ну, берегитесь, все голоштанники, захотевшие стать хозяевами. Все языкатые студентики, подстрекающие народ. Все бабы, начавшие заниматься мужскими делами. Все недострелянные каторжники в рваных штанах, вообразившие себя государственными де-

ателями. Ну, теперь берегитесь!

Идет армия союзников.

Картина вторая. СОЛДАТЫ

Казарма. Зуавы. Снят. Читают. Чинят одежду. Жуют. Играют. Чистят винтовки.

У очага разговаривают трое. 1. Капрал Барбару, старый армейский служака. 2. Селестен, задира, весельчак. 3. Франтоватый, беспрерывно охорашивающийся Марсиаль.

Неподалеку молча лежит Жув. В нем более всего отразились черты послеверсальской армии союзников, могущественной по внешности, оваянной славой победы, усталой, озлобленной, тоскующей по родине.

Марсиаль. Среди русских есть хорошенькие...

Барбару. Они слишком холодные.

Марсиаль. Капрал, я не могу пожаловаться на холодность русских. Одна девчонка на бульваре поцеловала меня так, что я до сих пор дрожу. И при этом сунула мне в карман какую-то бумажку.

Барбару. Ну, разворачивай свое любовное письмо, хвастун.

Марсиаль (*вынимая*). Жаль, что я не читаю по-иностранному.

Барбару. Корова... Это по-нашему.

Марсиаль. Ах, по-нашему? Жаль, что я не читаю по-нашему.

Селестен. Мальчики, спокойствие. Странное письмо... Оно не написано.

Марсиаль. Оно нарисовано?

Селестен. Дурак. Оно напечатано. Твоя возлюбленная издает свои любовные записки. (*Читает.*) «Иностранным солдатам и матросам. Товарищи, что вы здесь делаете? Вас снова обманули, как в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Вы снова выступаете против своих же братьев...» Значит, она тебя поцеловала как брата?

Барбару. У одних любовь кончается триппером. У тебя она может кончиться петлей.

Жув. Покажи. (*Берет листовку.*) Такая же, как и моя! Тебе дал эту штуку высокий худой малый, славный парень? По имени Мишель.

Селестен. Ах, у вас одна возлюбленная, и та в штанах.

Марсиаль. Девушка мне дала это! Между нами, она моя невеста.

Селестен. Она тоже так думает?

Барбару. Быстро – имя!

Марсиаль. Мадемуазель... (*Вспоминает.*) Эти русские имена... Я тебе сейчас скажу. (*Достает записную книжку.*) Она мне записала.

Селестен (*читает*). Мадемуазель Фекла.

Все. Ого! Это – имя! Фекла? Да!...

Селестен. Может быть, это часть тела?

Марсиаль. Надо понимать. Это – русское аристократиче-

ское имя.

Селестен. Рот до ушей. Ноги как спаржа. И лет восьмидесяти пяти.

Марсиаль. Глаза как у черта. Талия акробатки. Нежный голос. Нет, это девчонка.

Селестен. Но все-таки – как ты ее зовешь? Каждый раз берешь с собой в кровать записную книжку?

Марсиаль. О, для любви не нужно имен. Моя маленькая! Моя миленькая! Моя беленькая невеста номер пять! (*Поспешно.*) Считайте сами: номер один – в Марселе, номер два – в Салониках, номер три – в Галлиполи, номер четыре – в Яссах, номер пять – в Одессе. Весь путь союзной армии.

Барбару. О, хвастовство! Итак, пока мы побеждали немцев, ты побеждал девочек. Это гораздо легче.

Марсиаль. И гораздо приятней.

Селестен. Но у тебя было больше Седанов, чем Верденов.

Марсиаль. Нет! Моя мадемуазель... (*Лезет за записной книжкой.*)

Селестен... Фекла.

Марсиаль. Мерси.

Жмут друг другу руки.

Фекла ко мне благосклонна.

Барбару. Значит, ты с ней уже...

Марсиаль. Нет еще, но я надеюсь.

Барбару. Спешите, спешите. Генеральный штаб дает тебе для этого одну неделю срока.

Селестен. Да, если ты в течение недели не уговоришь свою Феклу, что ты красавец, умница и буржуа, будет поздно. Через неделю мы покидаем Россию!

Жув. Кто тебе сказал?

Селестен. Мой грустный Жув, это было объявлено в приказе: «...на две недели в Россию для несения караульной службы».

Жув. Подотришь своим приказом.

Барбару. Без свинства!

Жув. Где ты видел, чтобы война кончалась в две недели?

Барбару. Корова! Какая война?

Селестен. Жув болен.

Марсиаль. У него бред.

Селестен. Я предлагаю поставить ему клизму.

Все (*окружая Жува*). Поставим ему клизму!

Жув. Я буду стрелять!

Барбару. Оставьте припадочного.

Жув. Это у тебя припадок глупости! Вы все знаете Гастона.

Селестен. Из сто семьдесят шестого пехотного?

Марсиаль. Мы знаем Гастона.

Жув. Три дня тому назад Гастон был в бою возле Одессы. Вот Гастон, спросите его.

Входят двое. 1. Гастон – солдат, как другие. 2. Некий сапер -малый лет тридцати, лицо насмешливое, сильное, говорит мало, предпочитает посмеиваться.

Барбару. Гастон, с начала кампании этот парень не перестает врать. Он изоврался. Разоблачи его. Последняя его выдумка: ты был позавчера в бою под Одессой.

Гастон. Ну да.

Барбару. Как, в бою?!

Марсиаль. Мы прибыли для караульной службы.

Селестен. С кем? Из-за чего?

Барбару. Тише! Настоящий бой?

Гастон. Десять раненых, четыре убитых.

Селестен. Какое свинство!

Марсиаль. А где же Версальский мир?

Жув. Они мне не верили. Ну-ка, вынимай свою лопату, Барбару, рой землю, рой глубже, падай в грязь – родная грязь, мы лежали в ней четыре года... Она – наша семья!... всю жизнь – рыть, чесаться, блиндажи, проволока, снаряд... Он твердый, я мягкий. Он меня ударит – я потеку... Я не хочу быть лужей! Я человек! Я человек! Я человек!

Селестен. Не могу этого слышать!

Гастон (*саперу*). Это военная истерика, болезнь старых солдат. Это бывает со всеми нами.

Барбару. Ну, успокойся, Жув. Чего ты орешь? Ты еще не в окопах.

Жув. Я и не буду там. Я лучше прострелю себе пальчик.

Барбару. Речь дезертира!

Жув. Речь идиота!

Селестен. Спокойствие, мальчики. Давайте разберемся. С

кем, собственно, был бой?

Марсиаль. Ведь мы со всеми в мире.

Гастон. Дело в том, что у русских революция.

Селестен (*как бы обращаясь к России*). У вас революция?

На здоровье. Селестен здесь ни при чем.

Барбару. Кто противник – тебя спрашивают!

Гастон. Какие-то русские. Я плохо разбираюсь. Их тут два лагеря. Большевики.

Марсиаль. В конце концов какая разница?

Гастон. Но вот тут Мишель. Мишель хорошо знает русские дела.

Барбару. Из какого вы полка, мсье Мишель?

Гастон. Он сапер.

Барбару. Вы сапер?

Гастон. Он недавно прибыл.

Селестен. Может быть, он знает, что такое большевики?

Марсиаль. Скажи, сапер, вот ты хорошо знаешь русские дела: Фекла – аристократическое имя?

Сапер. А ты уже завел себе бабенку? Не огорчайся, товарищ: тебя любит пролетарка.

Первый солдат (*протискиваясь*). Был задан вопрос о большевиках. Я могу сказать, что такое большевики.

Барбару. Ну, говори.

Первый солдат. Это русские дикари. У них общие жены. Они едят детей.

Марсиаль. В Африке есть племена, которые едят челове-

чину. Я был в Африке.

Сапер. Может быть, он нам для товарищеского обеда заарит свою Феклу? Правда, Гастон?

Г а стон. Если она жирная.

Барбару. Россия не далеко ушла от Африки. Это известно.

Сапер. Скажи мне, что ты видел, как большевики едят детей. Скажи, что тебе в ресторане предложили грудного ребенка с маслинами, но ты отказался. Ты попросил со спаржей.

Смех.

Гастон. Эй ты, умница! От кого ты узнал, что большевики едят детей?

Первый солдат. От лейтенанта Бенуа.

Селестен. Ах, от лейтенанта!...

Марсиаль. Что ж ты раньше не сказал?

Жув. О, дерьмо!

Второй солдат (*протискиваясь*). Он дурак. Я могу объяснить, что такое большевики. Это партия бедных. Это вроде наших синдикалистов, но поинтереснее. Будто бы в стране большевиков нет банкиров, нет фабрикантов, нет помещиков. Так я слышал от ребят.

Барбару. А куда же они девались?

Марсиаль. А земля чья?

Селестен. А из-за чего мы с большевиками воюем?

Жув. Припоминаю, что в этой бумажке Марсиаля кое-что сказано. (*Читает.*) «К иностранным солдатам и матросам.

Товарищи, что вы здесь делаете? Вас снова обманули, как в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Вы снова выступаете против своих же братьев – рабочих и крестьян. Ваша жизнь – непрерывный труд. Ваш пот – соль на столе богатых. Помните об этом, прежде чем открывать огонь. Сражаясь против нас, вы поддерживаете богачей против бедняков, паразитов против трудящихся...»

Марсиаль. Ну и пусть себе русские богачи и бедняки сами дерутся между собой. Лезть под пули из-за каких-то дурацких русских дел!...

Барбару. Она преувеличивает, эта бумажка. Она немножко перехватывает через край, я думаю. Не может быть, чтобы мы, парижские ребята, шли помогать каким-то паразитам. Все войны мы вели за свободу. Мы республика. Мы демократия, черт возьми! У нас самих было штук пять революций. Устали немножко? Есть. Но надо покончить. У нас в штабе тоже не дураки сидят. Раз решено воевать с большевиками – значит, причина есть.

Сапер. Рассказать, какая причина у нас воевать с большевиками?

Жув. Расскажи.

Сапер. Пусть кто-нибудь постоит у двери.

Гастон идет за дверь.

(Нагибаясь к очагу и поднимая что-то.) Вот причина, из-за которой вы воюете с большевиками.

Селестен. Ты видишь?

Жув. Нечто маленькое, черное...

Сапер (*жонглируя*). Кусочек угля! Кусочек угля, дети мои, весом в сотню миллионов тонн, ценою в сотню миллионов франков. Кусочек угля, который называется «Донбасс». Десять капиталистов владели этим кусочком угля. Это был не ты, Барбару. И не ты, Марсиаль. И не я. И никто из нас, стоящих здесь. Там были барон Рено и барон Кальмер. Там было три помещика и пять банкиров. Армия шахтеров с утра до вечера возилась под землей, чтобы взвод акционеров мог лопать омары и рассуждать о демократии. Пока это им не надоело! И они скинули с себя...

Селестен. Постой, постой! С этого места я перестал понимать. Вот ты сказал: «им надоело», «они скинули». Кто это «они»?

Сапер. Вот этот стул – пусть это будет Донбасс. Ты – армия. Бери Донбасс.

Селестен. Беру.

Сапер. Нет, я не дам.

Селестен. А ты кто такой?

Сапер. А я – русские рабочие и крестьяне. Донбасс-то наш!

Селестен. Может быть, ты отдашь его все-таки? чтоб не было возни?

Сапер. Когда вам нужно было достать для своих, буржуа железо Эльзаса и уголь Вестфалии, вы убили пять миллионов человек, десять миллионов сделали калеками и, на-

конец, преподнесли своим буржуа этот маленький железно-угольный подарок. Как же вы можете говорить русским рабочим, чтобы они не защищали свое добро от хищников, которым вы служите? Это они, русские рабочие, могли бы сказать тебе: «Брось свою винтовку, Селестен, братоубийца!»

Жув. Браво!

Первый солдат. Все ли хозяева изгнаны из России, сапер?

Сапер. Все.

Второй солдат. И вся страна принадлежит рабочим, сапер?

Сапер. Вся.

Жув. И Одесса тоже?

Сапер. Нет. Одесса еще у белых.

Селестен. Водятся ли здесь также и большевики?

Сапер. Да, здесь есть и большевики. Но они прячутся. Всякий раз, когда союзники ловят большевика, они его убивают. За голову каждого большевика обещано десять тысяч франков.

Марсиаль. Сколько?

Сапер. Десять тысяч. Но еще никто не выдал большевика.

Барбару. Я люблю храбрых людей. Я хотел бы увидеть большевика. Я пожал бы ему руку.

Сапер протягивает руку. Все удивлены. Сапер распахивает шинель. Под ней штатское платье.

Жув. Я узнаю тебя: ты – Мишель! С бульвара!

Все. Большевик!

Сапер. Да, я большевик. Смотрите, смотрите на меня, ребята. Я ем детей. Я национализирую женщин. Вот мои когти. Вот мой хвост.

Смех.

Есть в Одессе улица под названием Приморская. Есть на этой улице кабачок под названием «Взятие Дарданелл». Там неплохое виной довольно приятная музыка. Я туда прихожу иногда вечером выпить мой стакан, поговорить о жизни...

Вбегают Гастон.

Гастон. Лейтенант идет!

Сапер. «Взятие Дарданелл»!

Убегает с Гастоном. Казарма принимает прежний вид. Входит лейтенант Б е н у а, среди солдат непопулярен, из тех, кого фронтовики называют «тыловая крыса». Тем не менее продвигается в чинах довольно успешно – заслугами, видно, не боевыми.

Лейтенант. Что за шум?

Барбару. Не совсем, мой лейтенант.

Лейтенант. Я слышал топот.

Барбару. Может быть, мыши, мой лейтенант. Они водятся в подполье.

Лейтенант. Вы разговаривали о политике?

Барбару. Все тихо, мой лейтенант.

Лейтенант. Я слышал: «Взятие Дарданелл». Дарданеллы уже взяты. Не стоит разговаривать о политике, капрал Бар-

бару.

Барбару. Слушаю, мой лейтенант.

Лейтенант. Получен приказ: отправить два взвода на судостроительную верфь Ксидиас. Мы там произведем обыск. Во главе отряда пойду я. Приготовьтесь.

Селестен. Мы убрали, мой лейтенант. *(Уходит.)*

Лейтенант. Солдаты, здесь грязно.

Барбару. Не совсем, мой лейтенант.

Лейтенант. Здесь насорено. *(Поднимает с пола бумажку и потрясает ею.)* Мы должны показать этим грязным свиньям русским, что такое солдатская казарма. Казарма – это храм. Это спальня молодой девушки. Это... *(Вдруг увидел, что бумажка, которую он держит, не что иное, как революционная прокламация.)* Это как сюда попало?

Селестен. Как любовное письмо, мой лейтенант.

Лейтенант. Молчать! Вы! Подойдите-ка поближе. Остальные за дверь!

Все, кроме лейтенанта и Селестена, уходят.

Я все знаю, Селестен. Это ваше? У вас, кажется, репутация самого большого лгуна в полку.

Селестен. У Марсиаля, у Жува...

Лейтенант. Это Марсиаля? Это Жува?

Селестен *(мечтательно)*. Они врут, пожалуй, побольше, чем я.

Лейтенант. Это не может быть ничье!

Селестен. Оно влетело в окно. Как муха.

Лейтенант. Вообразите, Селестен, что с вами говорит ваша мать. «Сын мой, – говорит она, – ради моей чести, ради чести Селестенов, расскажи мне, кто принес в казарму эту бумажку». Что бы вы ответили своей старой матери, Селестен?

Селестен. Я ответил бы ей: «Катись к чертовой матери, старая хрычовка. Что ты суешь всюду свой вонючий...»

Лейтенант. Вон! Я с вами еще поговорю! Жув!

Селестен уходит. Входит Жув.

Садитесь, пожалуйста, мсье Жув.

Жув. Благодарю, мой лейтенант.

Лейтенант. У вас есть семья, Жув?

Жув. Жена и двое малышей, мой лейтенант.

Лейтенант. И как им живется, Жув?

Жув. Плохо, мой лейтенант. Жена пишет, все из дому продано. На фабрике платят гроши. Дороговизна...

Лейтенант. И вы им не помогаете?

Жув. А что у солдата есть? Вши? Раны?

Лейтенант. По-вашему, десять тысяч франков – приличная сумма?

Жув. Восхитительная, мой лейтенант.

Лейтенант. Вы можете ее заработать, Жув.

Жув. Нет, не могу, мой лейтенант.

Лейтенант. Это нетрудно, Жув.

Жув. Это невозможно, мой лейтенант.

Лейтенант. А я вам говорю, что вы ее заработаете.

Жув (*кричит*). Ни за что не заработаю!

Лейтенант. Букву «П» знаешь?

Жув. Да, мой лейтенант.

Лейтенант. Вздерну, как собаку!

Жув. Нет, мой лейтенант!

Лейтенант. Вон! Марсиаль!

Жув уходит. Входит Марсиаль.

(*Потрясая листовкой.*) Откуда здесь это?

Марсиаль. Я ничего не знаю, мой лейтенант.

Лейтенант. Ах, ты не знаешь? Вещи у тебя здесь есть?

Марсиаль. Да, мой лейтенант.

Лейтенант. Семья на родине есть?

Марсиаль. Есть...

Лейтенант (*подвигая бумагу*). Пиши адрес семьи. Твои вещи ей отправим.

Марсиаль. Но они мне нужны!

Лейтенант. Мертвым вещи не нужны.

Марсиаль. Так я же не мертвый!

Лейтенант. Будешь. Завтра. В это время.

Марсиаль. Мой лейтенант! Я не хочу.

Лейтенант. Ну так говори – кто это принес?

Трус бледнеет.

Марсиаль. Я его не знаю... Какой-то сапер...

Лейтенант. Что он говорил? Смелей, Марсиаль, ты славный парень, хоть и похож на дурака.

Марсиаль. Я не слышал.

Лейтенант. А ты слышал про контрразведку? (*Берет трубку.*) Станция! Дайте контрразведку!

Марсиаль. Не надо! Я все расскажу!

Лейтенант. Ну?

Марсиаль. Тут был русский. Его привел солдат сто семьдесят шестого полка...

Лейтенант. Подожди. (*Записывает.*) Я сейчас на тебя нарочно крикну. Понимаешь? Для них. (*Кричит.*) Ага, ты не говоришь?! Сволочь!

Марсиаль. Я говорю, я все говорю!...

Лейтенант (*тихо*). Молчи, идиот! Это нарочно. Кричи: «Я ничего не знаю, отстаньте!» Ну, кричи.

Марсиаль (*кричит*). Я ничего не знаю!

Лейтенант (*тихо*). Как зовут русского?

Марсиаль. Мишель...

Лейтенант (*кричит*). А, ты не говоришь?!

Марсиаль. Я же говорю: Мишель.

Лейтенант. Идиот. Он вам дал эту бумажку?

Марсиаль. Он нам дал ее.

Лейтенант. Припомни: не случилось ли кому-нибудь из вас получать такие бумажки от одной русской девушки на бульваре, довольно хорошенькой, небольшого роста и с нежным голосом?

Марсиаль. Я не знаю никакой девушки.

Лейтенант (*кричит*). Я тебя отправлю подсуд!

Марсиаль (*кричит*). Я не боюсь вашего суда!

Лейтенант (*тихо*). Ага, понял наконец. Этот русский Мишель, он вас звал куда-нибудь?

Марсиаль. В кафе.

Лейтенант. Адрес?

Марсиаль. У моря где-то.

Лейтенант. Когда?

Марсиаль. В один из вечеров. (*Кричит.*) Вы мерзавец!

Лейтенант. Ну, ну, не слишком. Ты пойдешь в кафе и обо всем мне доложишь. Я позабочусь, чтобы тебя наградили. (*Уходит.*)

Вбегают Селестен и Жув.

Селестен. Ну что?

Марсиаль. Он сволочь! Он крозил, что меня повесят. Но я ему ничего не сказал. Он от меня получил! Жув. Молодец, товарищ!

Жув и Селестен жмут Марсиалю руки.

Картина третья. РУЖА НЕТТА...

Судостроительная верфь Ксидиас. На море качаются понтонные бочки, охватывая заводскую бухту. Элинг. Строения с вывесками «Меднокотельный», «Шлюпочный», «Такелажный», «Контора». Всюду валяются котлы, бочонки со смолой, связки канатов, шлюпки, обращенные вверх килем. В конторе: мадам Ксидиас и состоящий при ней Петя, здоровый хлопец, пытающийся отпустить себе бороду.

Снаружи гул толпы.

Ксидиас (продолжает говорить по телефону). Я прошу вас, господин лейтенант, чтобы отряд пришел на час позже условленного. Я попытаюсь предварительно поговорить с рабочими сама. Что? О, не беспокойтесь, господин лейтенант. Я умею разговаривать с простым народом... (Кладет трубку.) Лучше, чем ты, дурак. (Обращается к Пете.) Впусти забастовщиков.

Петя. Они очень возбуждены.

Ксидиас. Я тоже очень возбуждена! Впусти забастовщиков!

Входят Мацко – рабочий помоложе. Левит – рабочий постарше, Степиков.

Прервать работу в такой момент! Когда корабль уже наполовину готов! Когда заказчик лопается от нетерпения! Когда все газеты трубят об искусстве верфи Ксидиас!...

Мацко. Нам не нужно, чтобы нас хвалили. Нам нужно, чтобы нам платили. Рабочие голодуют.

Ксидиас. Нам всем плохо. Временная экономическая депрессия, вызванная девальвацией рубля вследствие бумажной эмиссии...

Мацко. Не крутите нам пуговку, хозяйка! Рабочие ждут. Мы хотим слышать ваш ответ.

Ксидиас. Кто вы такие в конце концов?

Левит. Мы – завком!

Ксидиас. Никакого завкома! Завкомы, райкомы, группкомы... Проснитесь! Я добрая женщина. У вас жены, дети. Но я могу рассердиться.

Степиков. В таком случае, ребята, о чем толковать? Забастовка.

Ксидиас. Степиков, я ж давно тебя уволила с верфи! Петя, кто его сюда пустил?

Петя разводит руками – жест бессилия.

Ксидиас. Взяли кого-нибудь на его место?

Петя. Никого.

Ксидиас. Почему?

Петя снова бессильно разводит руками.

Левит. Союз металлистов объявил его место под бойкотом.

Ксидиас. Может быть, я умерла, господа? И мне все это снится? Скажи – я умерла?

Петя. Нет.

Левит. Был заключен колдоговор. Вы его подписали? Да.
Вы его выполняете? Нет.

Ксидиас. Господа, я не знаю, известно ли вам, колдоговора признаны отныне недействительными.

Мацко. Кем?

Ксидиас. Союзным командованием. Господа, союзники не будут с вами цацкаться, как я.

Левит. Где прибавки на дороговизну?

Ксидиас. Забудьте.

Левит. Восьмичасовой рабочий день?

Ксидиас. После моей смерти.

Левит. Страховые взносы?

Ксидиас. Штуки!

Левит. Возвращение уволенного кузнеца Степикова?

Ксидиас. Вот мои требования. *(Кладет на стол бумагу.)*

Сообщите их рабочим. Нет, мне не нужно посредников! Я сама поговорю с моими рабочими!

Она выходит на просцениум и обращается к зрительному залу. Она ораторствует со свойственным ей горячим и низменным красноречием, фамильярничая и угрожая.

Вы хотели видеть хозяйку – вот я! Я не из тех белоручек, которые сидят дома – и управляющие приносят им доход на подносе. Я простая. Я не училась в гимназиях. Я не знаю всех этих географий, шмеографий. У меня грубые руки. Мой дед был рыбак!...

Мацко. У нее грубые руки? Посмотрите, какие кольца на

этих грубых руках! Что она поет про свое пролетарское происхождение! Ты лучше колдоговор выполняй. Ты простая? Так слушай, как простые разговаривают. В семнадцатом году мы тебе подшибли хвост, а теперь, через два года, ты опять голову поднимаешь, когда Антанта пришла? Мы не посмотрим на нее, что она Антанта. Мы знаем: в Советской России рабочий – хозяин...

Ксидиас. В Советской России?! Мне смешно, рабочие. Там народ разбежался. Взорвали Кремль. Поезда ходят на конной тяге. Вот он чихнул – я говорю правду! Я удивляюсь на вас, господа. Вы бросаете работу. Вы знаете, чья это работа? Это транспорт для перевозки иностранных войск – военный заказ. Шутите с союзниками? Ну, вы такие герои, что согласны, чтоб вас всех перестреляли. Но ваши жены и дети неповинные – они же без вас помрут с голодухи!...

Левит. Товарищи, это уже новость. Мы строили судно для каботажных рейсов. Оказывается, оно для перевозки интервенции. Так мы его не выпустим с верфи!

Мацко. Лучше потопим его!

Степиков. Вместе со старухой!

Ксидиас. Рабочие! Два года вы занимались революцией. Хватит! Я хотела с вами добром. Но, видно, вас надо силой. Так слушайте: ваши требования – вот. (*Рвет бумагу.*) Стать на работу! Не ставшим – расчет! Колдоговор, прибавки, восемь часов и прочие штуки больше в природе не существуют!

Степиков. В таком случае, ребята, о чем толковать! Забастовка.

Ксидиас. Не слушайте комитетчиков! Облагоразумьтесь! Пожалуйста, рабочие!

Рабочие ушли. Молчание.

Я уйду. Но я вернусь! И не одна!

Петя. А с кем?

Ксидиас. С армией! *(Идет к выходу.)*

В ворота входит Филька-анархист.

Филипп *(издали оглядывая Ксидиас, с восхищением)*. Ах, какая гагара! Какая богатая гагара!

Ксидиас *(озираясь, кричит)*. Через полчаса я с вами поговорю по-французски! *(Уходит.)*

Филипп *(восхищенно шепчет ей вслед)*. Ох, мадам Ксидиас, будете вы моей пациенткой!

Входит Мацко.

Мацко. Что тебе надо?

Филипп. Что тебе надо?

Мацко. Кто ты такой?

Филипп. Кто ты такой?

Мацко. А ну-ка, сматывайся отсюда!

Филипп *(медленно)*. Не здесь ли ремонтируется пароход «Юнион-Кастель-Лайн»?

Мацко *(медленно)*. Мы давно ждем партию ваших корабельных канатов. Здорово!

Филипп. Филипп – свободный анархист.

Мацко. Тащи скорей.

Филипп. Я не грузчик.

Мацко. Твои люди?

Филипп. Мой секретарь и моя помощница.

Входят Имерцаки, человек с асимметричным лицом, и Мария Токарчук, странно улыбающаяся, странно неподвижная женщина, культивирующая в себе черты вампа.

Токарчук. Дай ман понырдать.

Филипп. Мадам просит покурить.

Мацко. Публика!

Идет за ворота, приволакивает оттуда большой ящик, ящик дребезжит. Бандиты испуганно вскрикивают.

Филипп. Ненормальный, остановись! Это... *(Шепчет ему на ухо.)*

Мацко останавливается – на ящике написано: «Нежное обращение». Входит Степиков.

Степиков. Привезли? Здорово, Филипп! Список?

Во время дальнейшего разговора Мацко спускает оружие в понтонную бочку.

Филипп. Мсье Имерцаки, спецификация у вас?

Имерцаки. У меня.

Филипп. Прочтите нам, пожалуйста, наименование товаров.

Имерцаки. Картошка...

Филипп *(поясняя)*. Бомбы...

Имерцаки. Балалайки...

Филипп (*поясняя жестом*). Революверы...

Имерцаки. Шприцы...

Филипп (*поясняя со звуком*). Ружья...

Имерцаки. Воробьи...

Филипп (*поясняя жестом и звуком*). Патроны... Прошу

– количество?

Имерцаки. Сорок бомб, трое революверов, пятеро винтовок, двести воробчиков.

Филипп. Прошу сумму!

Имерцаки. Тысяча семьсот шестьдесят пять рублей тридцать семь копеек.

Филипп. Кербл!

Степиков (*дает деньги*). Сматывайся поскорее. Болтаешь слишком много. Базар разводишь.

Филипп (*считает деньги*). Во мне погибает большой мастер слова. (*Сосчитав.*) Денег не считаю. Знаю, у вас – как в банке. Мое почтение! Дух разрушающий есть дух созидующий.

Бандиты уходят. Входит Левит.

Степиков. Собрание кончилось?

Левит. Избрали забастовочный комитет.

Мацко. Идут! Идут! Через пять минут будут здесь! Вынуть оружие!

Левит. Не делай панику, парень. Там, где оно лежит, пусть лежит. Еще не пришло его время. Есть директива. Понятно? На иностранцев мы будем действовать не оружием, а язы-

ком. Ребята, я хотел вас предупредить: сегодня сюда придут два товарища, владеющие французским языком...

Мацко. Кто такие?

Степиков. Ну, понятно, кто такие.

Левит. Зовут их Мишель и Жанна. Значит, нужно предупредить наших ребят, чтобы им не мешали. Они попытаются связаться с солдатами.

Степиков. Понял, Мацко? Будто бы они наши рабочие.

Левит. Мишель уже там. (*Указывает на сцх.*) Вот Жанна.

Входит Жанна – молодая женщина с быстрыми движениями, некрасивая, обаятельная.

Жанна. Привет! Еще нет их?

Левит. Ждем.

Жанна. Какая часть назначена сюда, не знаешь?

Левит. Разведка нам донесла, что из пятьдесят четвертого полка.

Жанна. Bravo! Там работал Мишель.

Левит. Плюс сенегальцы и индусы.

Жанна. А! Это хуже.

Левит. А может быть, лучше?

Мацко. Идут! Идут!

Входит отряд союзных войск.

Лейтенант. Смотрите, дети мои, рабочие собрались приветствовать нас. Здравствуйте, господа!

Молчание.

Они смущены, бедняги. Капрал Барбару, объявляю вам

диспозицию: контору мы занимаем под штаб. Во всех стратегических пунктах расставьте часовых. Потом придете в штаб. Мы разработаем план военных действий. (*Уходит в контору.*)

Барбару. Слушаю, мой лейтенант!

Селестен. Мальчики! Он себя воображает главнокомандующим, тыловая крыса.

Степиков. Что они говорят?

Жанна. Тише. Будет горячо.

Барбару. Селестен, Марсиаль, Жув, Али, шаг вперед!

Четверо выходят из рядов.

Остальные марш в штаб!

Остальные уходят в контору.

Али, ты станешь здесь. (*Показывает на эллинг.*) Марсиаль, растолкуй цветному, что это надо охранять, как военное имущество.

Марсиаль объясняет. Али становится у эллинга – черный солдат с дикими внимательными глазами.

Селестен – охрана штаба.

Селестен становится у конторы.

Марсиаль – охрана ворот: никого ни туда ни сюда.

Марсиаль идет к воротам.

Жув – охрана двора.

Жув становится посреди двора.

Ну, коровы, это все-таки веселей, чем гнить в окопах?

Жув. Не думал я, старик, что мы с тобой сделаемся жан-

дармами.

Барбару. Без свинства! (*Уходит в штаб.*)

Селестен (*напевает.*)

Зуаву скучно.

Зуав вспоминает парижское кафе,
маленькое кафе под полосатым тентом,
со стаканом белого,
который стоит четыре с половиной су,
и с брюнеткой,
которая стоит четыре су
с половиной.

Хорошо пить белое вино
и обнимать черную девушку.

(*Говорит.*) И плохо стоять на часах...

Али напевает диковатую мелодию без слов. Жанна подходит к Жуву.

Жув. Назад!

Жанна. У солдата найдется для дамы спичка?

Жув. Француженка?

Жанна. Откуда, камрад?

Жув. Я из департамента Тарн-и-Гаронна.

Жанна. О, я тоже!

Жув. Землячка! Не из округа ли Монтабан?

Жанна. Примерно оттуда. Как вас зовут?

Жув. Жув.

Жанна. Жув, одесское небо напоминает наше?

Жув. Солдат видел много небес. Но нет неба прекраснее неба родины.

Жанна. Родина пролетария здесь!

Жув. С часовым разговаривать запрещено.

Жанна. Жув, мне говорил о тебе Мишель.

Жув. Вы знаете Мишеля? (*Подозрительно.*) Но какой Мишель?

Жанна. Сапер.

Жув. Кто же вы?

Жанна. Я его друг.

Продолжают тихо беседовать.

Во время предыдущего разговора солдаты постепенно выходят из конторы, рабочие – из цехов. Они смешиваются, образуют группы. С рабочими входит и Бродский – этот «Воронов» дома Ксидиас и «сапер» французской казармы.

Бродский (*подходит к Марсиалью*). Ведь ты служил в Африке, Марсиаль, правда?

Марсиаль. Да, я служил в Африке, Мишель.

Бродский. Не можешь ли ты перевести несколько слов твоему черному приятелю?

Марсиаль. Али – сенегалец. Сенегальцы – тупой народ.

Бродский. Скажи ему: знает ли Али, что мы хотим свергнуть власть плантаторов?

Марсиаль. Али! Нгу дуунги мбоанг? Это все равно, что разговаривать с деревом, Мишель.

Бродский. Власть надсмотрщиков.

Марсиаль. Нгу ринги. Это все равно, что объяснять буль-
догу тригонометрию, Мишель.

Бродский. Власть палачей...

Али, Марсиаль и Бродский тихо беседуют.

Жув. Селестен, иди сюда.

Селестен приближается.

Старик, ты знаешь, зачем нас сюда поставили?

Жанна (*подмигивая*). Он думает – для защиты цивилиза-
ции.

Селестен. Я холоден к цивилизации.

Жув. Это друг Мишеля. Здесь забастовка.

Селестен. Мне нравится друг Мишеля. Но я холоден к за-
бастовке.

Жанна. Ты ко всему холоден. Ты еще так молод.

Селестен. Я оставил свою молодость в окопах.

Жанна. Ты рабочий, Селестен?

Селестен. Я барон Ротшильд.

Жув. Это его манера, Жанна. Он острит даже под пулями.

Но когда дойдет до дела, он не отстанет...

Жанна. Они хотят сделать из вас, из славных молодых ре-
бят, тюремщиков революции.

Селестен. Мы солдаты.

Жанна. Солдатами командует лейтенант. И если лейте-
нант прикажет тебе стрелять в рабочих...

Селестен. Мои пули умные. Они найдут дорогу.

Продолжают тихо разговаривать.

Группа: 1. Барбару. 2. Бродский.

Бродский. Но если рабочие голодают? А хозяин жиреет?

Барбару. Хозяин есть хозяин. Порядок есть порядок. Если кому-нибудь хозяин не нравится, пусть он жалуется на него более высокому хозяину.

Бродский. А если лейтенант прикажет вам стрелять в нас?

Барбару. Я вам советую тогда лечь.

Бродский. А я вам советую не стрелять!

Барбару. Солдат и винтовка – это один механизм. Солдат нажимает – винтовка стреляет.

Бродский. В безоружных, в братьев?

Барбару. Офицер есть офицер. Приказ есть приказ. Иначе все рухнет.

Бродский. Я понял, мой Барбару. Ты думаешь, что офицер и хозяин – это высшая раса?

Входит Бенца.

Вот офицер. Вглядишься в него. Короткая шея, неоритость, мыслишки о женщинах. Он ест, когда он голоден, и чешется, когда его зудит. Он проживет свою грязную жизнь пиявки, и его воткнут в землю, как всех. И ты почему-то считаешь его высшим существом! Ты служишь ему, словно ты собака или затвор от ружья. Он стравливает между собой рабочих – вас и нас, и из этой братоубийственной свалки он извлекает для себя ордена, деньги, почет. Восстань против него! Отрекись! Вспомни, что ты рабочий!

Лейтенант. Капрал! Собрались представители рабочих?
Барбару. Да, мой лейтенант. Вот их комитет.

Подходят Левит, Степиков, Мацко.

Лейтенант. Я котель казать, господа комитет. Я зналь:
здесь есть спрятано оружия. Дайте ее, господа.

Молчание.

Когда я сама найду, будет хуже.

Левит. Завкому не о чем разговаривать с интервентами.
Рабочие требуют удаления с территории верфи вашего отря-
да.

Лейтенант. О славные люди! Мы не ссоримся! *(Дружески похлопывает Левита, незаметно обыскивая его, извлекает у него из кармана наган.)* Я беру на память. Сувенир!

То же самое проделывают Барбару и один из солдат с Мацко и Степиковым.

Степиков. Могу сказать одно: ловкость рук.

Лейтенант. Я имель резон: оружие есть. *(Грозно.)* Где есть арсеналь?

Мацко. Отдай револьвер, собака!

Лейтенант. О, темперамент! Капрал, разошлите солдат по верфи, пусть обшарят ее всю: здесь где-то большой арсенал.

Капрал рассылает солдат в разные концы верфи.

А пока они ищут, остальные пусть займутся личным обыс-
ком всех присутствующих. Щупайте! Щупайте!

Барбару. Мой лейтенант! Вряд ли личный обыск даст что-
нибудь, кроме раздражения толпы.

Лейтенант. Пусть ничего не даст: везде есть горячие головы, они выйдут из себя и бросятся за оружием, таким образом мы откроем арсенал.

Начались обыски.

Грубей, дети мои, грубей!

Голоса. Не трогай меня! Убирайся, проклятый! Выгоним их!

Лейтенант. Грубей, дети мои! Оскорбительней!

Мацко. Что мы молчим? К оружию! Ребята, бери винты!

Бей белых! *{Кидается к понтонной бочке.}*

Левит и Степиков хватают его и держат.

Жанна. Спокойствие! Товарищи, горячностью мы все испортим!

Степиков *(держит Мацко)*. Потерпи, голубчик мой, потерпи, милый.

Барбару. Мой лейтенант! Высланные на поиски арсенала возвращаются.

Лейтенант. Ага, прекратить этот базар.

Барбару. Смирно!

Становится тихо.

Первый солдат *(рапортует)*. Оружия нет.

Лейтенант. Дурак!

Али и Селестен влезают на понтонную бочку. Али открывает ее. Оба заглядывают туда. Потом смотрят друг на друга. Потом идут к лейтенанту.

Второй солдат *(рапортует)*. Оружие есть. *(Кладет ста-*

рую шашку.) Обнаружена под шляпкой.

Лейтенант. Дурак!

Селестен и Али подходят к лейтенанту.

Али (*ломаным языком*). Ружа нетта.

Лейтенант. Ослы!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая. LA FLAMME DE LA REVOLUTION RUSSE!

Две комнаты. В одной белошвейная. Четыре мастерицы строчат на машинках. Другая комната просто убрана: стол, кровать, книги. Она пуста.

Белошвейки (*поют*).

В прекрасной Одессе,
В стране белогвардейцев,
Четыре белошвейки
Знатно живут.

Вот первая – Аннетка,
Роскошная брюнетка;
Оклад – десятка в месяц,
Как раз чтобы повеситься.
О чем же ей тосковать?...

Входит первый господин петербургской наружности.
1-й господин. Мое белье!

Подходит первая швея.

Ну, как работается?

1-я швея (*выдавая пакет*). С уходом коммунистов наша фирма рассчитывает на приток заказов.

1-й господин. Здесь вся империя!

1-я швея. Может быть, мсье проверит белье?

Входит Орловская. Швея принимает ее как заказчицу.

1-й господин (*распяливает рубахи и кальсоны*). Коммунисты нас сбросили в Черное море. Мы их сбросим в Белое!
(*Расплачивается, уходит.*)

Орловская (*первой швее*). Садись сюда. (*Указывает на дверь белошвейной.*) Если кого-нибудь увидишь, пой.

Первая швея садится у двери.

(*Орловская проходит в другую комнату. Садится там. Листает книгу. Пишет. Задумывается.*) «Они хотят затушить пламя русской революции»... Пламя! (*Листает словарь.*) Плавать... Плакать... Плакучая ива... Пламя... La flamme... Ils veulent éteindre la flamme de la révolution russe...

(*Пишет.*)

Белошвейки (*поют*).

Вторая – Нинка,
Роскошная блондинка,
Обедает мечтами
И ужинает снами!...
О чем же ей тосковать?

Орловская насторожилась. В белошвейную входит Левит.

Левит. Могли бы вы мне сшить, скажем, купальный халат из шелкового полотна.

1-я швея. Да, у нас есть сейчас шелковое полотно.

Левит. Ну вот, слава богу! А то я уж думал – не туда попал. Здравствуйте, товарищи. Я с верфи. Хочу повидать...

1-я швея. Туда...

Левит идет.

2-я швея. Уж и племянниц не узнают.

Левит. А, девочка, и ты здесь?

2-я швея. Обшиваю буржуев.

Смех. Левит входит к Орловской.

Орловская. А, товарищ Левит! Здравствуй, дорогой. С чем пришел?

Левит. Старуха Ксидиас вчера подслала парламентаров.

Орловская. Поддается?

Левит. Поддается. Согласна на прибавку. Но мы ответили: бастуем до полного удовлетворения.

Орловская. Правильно! Как иностранный караул, стоит еще?

Левит. Стоит.

Орловская. Покуда иностранный караул стоит, ни в какие переговоры не вступайте. Это я тебе передаю директиву областногокома. Мы их вынудим снять караул, и это будет огромная политическая победа. Понимаешь? Как настроение?

Левит. Настроение твердое. Партколлектив за это время увеличился на тридцать пять человек.

Орловская. Вот видишь! Как ведут себя солдаты?

Левит. Тех сменили. (*Жест досады.*) Новых сейчас поставили.

Орловская. Новых? Когда?

Левит. Позавчера.

Орловская. Так надо было сразу сообщить, товарищ Левит.

Левит. Я думал...

Орловская. Так нельзя...

Левит. Всего два дня.

Орловская. Два дня потеряли!... Кто нам вернет их! Сегодня же я к вам направлю агитаторов из Особой коллегии. Литература нужна?

Левит. Обязательно!

Орловская. Вот это последний номер «Ле коммунист». А это – русское. (*Увидев, что Левит много берет.*) Ну-ну! Не вы одни у нас.

Левит. Если опять пришлете Жанну, пусть она работает немножко не так горячо. Можно же нарваться.

Орловская. Французская кровь! Есть. Если ничего особенного, увидимся через три дня. Всего хорошего, товарищ Левит!

Левит. Всего! (*Уходит.*)

Орловская (*принимается писать, роясь в книгах, воскли-*

цая). Обновление мира... Обнажать... Обнимать... Обновление! Le renouvellement du monde.

Белошвейки (*поют*).

Третья – Раиска,
Рот как барбариска,
Квартир у нее сотни –
В любой подворотне.
О чем же ей тосковать?...

Орловская насторожилась. В белошвейную входит Бондаренко.

Бондаренко. Могли бы вы мне сшить, скажем, купальный халат из шелкового полотна?,

1-я швея. Да, у нас есть сейчас шелковое полотно...

Бондаренко. Привет. Я прибыл, товарищи, из... (*Озирается с подозрительностью.*)

1-я швея. Да вы не бойтесь. Все в порядке. Туда.

Бондаренко идет через белошвейную; подозрительно озираясь, входит к Орловской.

Орловская. Откуда, товарищ?

Бондаренко. Издалека... С фронта.

Орловская. Пока я этого не вижу.

Бондаренко. Мандат?

Орловская. Да.

Бондаренко. Он далеко (*Снимает куртку.*) Еще дальше. (*Снимает матросский тельник.*)

Орловская *отворачивается.*

(*Вспарывает шов тельника и извлекает крохотный кусочек полотна.*) Вот. (*Одевается.*)

Орловская (*читает мандат*). «Делегат партизанских отрядов, действующих на Одесском фронте, товарищ Бондаренко». (*Жмет ему руку.*) Давненько партизаны не заявлялись к нам.

Бондаренко. Трудновато было сквозь фронт пролезть. Пришлось взять это на себя. Так вот, товарищ: за последние три дня продвинулись с боем на сорок километров. Если дело так пойдет дальше, недельки через полторы-две ждите в Одессе.

Орловская. Боеспособность интервентов?

Бондаренко. Покуда деремся с белыми. Били греков. С завтрашнего дня вступаем в соприкосновение с союзниками. Так вот, товарищ дорогой, ощущаем недостаток в литературе.

Орловская. Вот, товарищ Бондаренко, специальные фронтовые листовки. Вот французские, греческие, румынские, английские. Вот русские.

Бондаренко (*прячет литературу под одежду*). Второе дело: деньги на агитацию.

Орловская. Сколько?

Бондаренко. Меньше чем с тысячами пятью не обернешься.

Орловская. А не многовато?

Бондаренко. Оружие главным образом много монеты забирает.

Орловская. Откуда снабжаетесь оружием?

Бондаренко. Во-первых, добываем в бою – совершенно бесплатно.

Смеются.

А кое-что покупаем у этого Фильки-анархиста. Только драть он стал сильно в последнее время. Прямо спекулянт!

Орловская. Этот источник снабжения придется закрыть, товарищ Бондаренко. Понимаешь? Это директива областкома. Нашли поставщика! Сначала он начнет шантажировать, а потом...

Бондаренко. А начнет шантажировать, так мы его...

Орловская. Никаких дел с Филькой!

Бондаренко. Понял, товарищ Орловская.

Орловская. Тысячи в три придется уложиться, товарищ Бондаренко.

Бондаренко. Надо – уложимся.

Орловская. Пишите расписку: «Получено от Марианны...»

Бондаренко пишет.

В порядке. *(Передает деньги.)*

Бондаренко. Книги иностранные?

Орловская. А вы понимаете?

Бондаренко. Приходилось плавать. До Марсея. До Ливерпуля. Балакаю. Теперь пригодилось. Будь здорова, това-

рищ Орловская!

Орловская. До свиданья, товарищ Бондаренко.

Бондаренко (*уходя*). Так вы и сидите здесь, товарищ Марьяна?

Орловская. Так и сижу. А что?

Бондаренко. У нас там, на фронте, часовые расставлены. А здесь могут прихлопнуть, как в мышеловке.

Орловская. У нас здесь тоже часовые расставлены, только их не видно. Все в порядке, товарищ Бондаренко.

Бондаренко (*в дверях*). А те девушки (*кивает на белошвейную*) партийные?

Орловская. Без.

Бондаренко, *значительно кивая головой, идет через белошвейную.*

Белошвейки (*поют*).

Четвертая – Анка,
Краса Молдаванки.
Жених висит на ветке,
А папа – в контрразведке.
О чем же ей тосковать?
В прекрасной Одессе,
В стране белогвардейцев,
Четыре белошвейки
Роскошно живут...

Орловская насторожилась.

Бондаренко. Правильно. Пойте, девушки, пойте! (*Выходит из белошвейной черным ходом.*)

Входит второй господин петербургской наружности.

2-й господин. Ну, как мое белье, девочки?

1-я швея. Готово, мсье. (*Подает пакет.*)

2-й господин Мне нравятся одесситки.

1-я швея. Проверьте, пожалуйста, мсье.

Второй господин петербургской наружности расправляет рубахи и кальсоны. Входит Жанна Барбье.

2-й господин. Напоминают парижанок.

1-я швея. (*4-й швее*). Займитесь покупательницей.

2-й господин (*платит*). Очень милы! Очень милы! (*Уходит разнеженный.*)

Жанна. Орловская?

4-я швея. Да.

Жанна проходит к Орловской.

Орловская. Жанна!

Жанна. Я аккуратна чересчур? Бродского еще нет? Подождем заседать? Какие толстые волюмы! О, это мой язык!

Орловская. Пишу статью в «Ле коммюнист». Окружила себя словарями. Ох, уж эти ваши глаголы!

Жанна. Все эти subjunctiv и conditionel. Плюнь на них, Марианна. Думаешь, солдаты их знают?

Орловская (*читает*). Dompter la Russie et apris la piller comme on a pille avant la guerre la Turquie, la Chine et comme on s'apprkte a piller l'Allemagne, – vola desir sincercies impй-

rialistes, leur tвche sacree...»¹

Жанна. Браво!

В белошвейную входит Бродский.

Бродский (*напевает*). «О чем же ей тосковать...» Привет, девушки! (*Проходит в другую комнату. В руках у него детский воздушный шарик.*) Какая весна, товарищи!... Какое небо!...

Жанна. Я буду с тобой крепко ругаться, Мишель.

Бродский. Слава богу, на каждом заседании царапаемся.

Жанна. Ну, вот сегодня Орловская, как представитель областногокома, нас разберет.

Орловская. О чем вы собираетесь ругаться?

Жанна. Я ставлю вопрос о сроке восстания.

Орловская. Это именно то, о чем я собиралась сегодня с вами поговорить. Но только вот что, товарищи, ругаться – ругайтесь, но в пределах регламента. Главным образом это относится к тебе, Жанна. Слушаем тебя.

Жанна. Я коротко. Значит, так, товарищи. В сто семьдесят шестом полку и в пятьдесят четвертом мы имеем революционные группы почти во всех ротях. В последние дни удалось вовлечь кое-кого из саперов. Очень хорошо настроены радисты. Вот очень важно – нам удалось завязать отношения с танковыми частями. Мы имеем на сегодняшний день у сол-

¹ «Покорить Россию и потом расчленить ее, как расчленили перед войной Турцию, Китай и как собираются расчленить Германию, – вот сокровенное стремление империалистов, их тайное желание...»

дат такое настроение: восстание немедленно! Я их сдерживаю. Понимаете? Я знаю моих земляков. Если не использовать настроение, они могут остынуть. Мишель, я вижу твою кислую улыбку, я вижу твои нахмуренные брови!

Бродский. Ну, так нельзя ставить вопрос.

Орловская. Мишель, ты потом.

Бродский. Революционные настроения солдат зависят не от момента, а от более глубоких причин.

Жанна. Я знаю, что я говорю. Когда я им говорю о том, что они душат русскую революцию, они кричат, они срывают с себя медали и топчут их, они кричат, что им стыдно называться французами!

Бродский. Видишь ли, Жанна, я считаю...

Жанна. Ленин сказал: «Сегодня еще рано, послезавтра будет поздно». Так вот я считаю, что мы можем проморгать наше завтра. А как ты думаешь, Марианна?

Орловская. Ты кончила?

Бродский. Слушайте, товарищи...

Жанна. Слушайте, если мы не подыдем восстания немедленно, это будет, товарищи, историческая ошибка. Пролетариат нам не простит ее. Боже мой, сколько было сделано ошибок! Ошибка тысяча восемьсот семьдесят первого года Варлена и Делеклюза, не конфисковавших деньги парижской буржуазии... Знаете ли вы, что солдат сто семьдесят шестого полка Гастон арестован?

Бродский. Жаль Гастона. Но нельзя строить тактику на

чувствах.

Жанна. А ты будешь ждать, пока мы не провалимся? Я говорю: наше завтра уже наступило. У революции свой календарь!

Бродский. Дай же мне слово сказать. Я в общем тоже за немедленное восстание...

Жанна. Мишель, дай я тебя поцелую!

Бродский. Пожалуйста.

Целуются.

Я только расхожусь с Жанной в понимании слова «немедленно». Она толкует «немедленно» как завтра, а я – как недели через две.

Жанна. Если бы я знала, я бы тебя укусила!

Бродский. Жанна – прекрасный работник. Но она неосторожна. Давайте говорить начистоту.

Жанна. Он говорит, что я неосторожна?! Он неосторожен! Живет черт знает у кого. В буржуазной квартире. Он думает, что это тонкая конспирация. Это глупость!

Бродский. Не будем отвлекаться. Когда нужно спротагандировать солдата, нет агитатора более увлекательного, чем Жанна Барбье.

Жанна. А!

Бродский. Я знаю. Мы вместе работаем. Она лучшая из нас. Но она неразборчива. Она хватает всех. И молодых, и старых сверхсрочных шкуродеров, и парижских субчиков. Там, на верфи, она работала прямо на глазах офицера!

Жанна. Лейтенант Бенуа? Он глуп, как пробковый дуб.

Орловская. Между прочим, это не первое заявление, Жанна.

Бродский. Ведь мы обвешаны шпиками. Нас ищут. Она увлекается количеством во вред качеству. Ей не терпится, она спешит. Это опасно. Ты неосторожна, Жанна!

Орловская. Есть, есть.

Жанна. Ну пусть я неосторожна! Бывают моменты, когда осторожность – величайшая тактическая ошибка. Я ставлю в повестку дня неосторожность!

Бродский. Не геройствуй, Жанна, без геройства.

Орловская. Чтоб не забыть, Жанна: сегодня же сходи на верфь – там новый караул. И ребята с верфи просили, чтобы ты работала спокойно.

Жанна. Режь меня – не могу, Марианна!

Орловская. Об этом мы с тобой поговорим еще. Продолжай, Мишель.

Бродский. Я хотел бы знать мнение областкома о сроках восстания.

Орловская. Я скажу. Твое предложение?

Бродский. Мое предложение? Понимаешь, вся эта масса вовлеченных и распропагандированных солдат как-то рассыпана, не организована. Что нам нужно, по-моему? Прежде всего – закрепить достигнутое. То есть повторные беседы. И смелее! Превратить солдат в действительно революционные кадры, которые поведут за собой части. Вот на эту работу

мы и должны потратить ближайшие две недели, а то и три. А если нужно, и больше.

Жанна. Ты слышишь?...

Орловская. Вот что, товарищи. Областком думал над этим вопросом, и решение в основном намечено. То, что вы оба говорили, подтверждает его. В чем тут дело? Вы видите главным образом свой сектор работы, и отсюда вы производите выводы. Областком учитывает все: и положение на фронте, и подготовленность рабочих масс, и настроение во флоте, и общую политическую обстановку. Конечно, преждевременное выступление может подорвать наши силы, о чем говорить! Однако и затягивать не годится. Нельзя, Мишель, так бросаться неделями – две-три. Ты слишком щедр на эти недели. То «завтра», как говорит Жанна, наступит не прежде, чем дней через десять. К этому времени настроение союзной армии и флота достигнет, по-видимому, той точки кипения, когда можно открыть крышку и дать пару выкачаться наружу... С севера наступает Красная Армия. Прямая линия фронта превратится в дугу. Станет возможной координация фронта и внутренних сил. Понимаете? Восстание? Да! Вся трудность в том, чтобы совершенно точно определить эту точку во времени. До сих пор вы агитировали. Теперь организуйте. Содержание готово – давайте форму.

Белошвейки запели. Орловская, Жанна и Бродский замолкли и насторожились. Сквозь витрину белошвейной видно, как по улице медленно проходит иностранный патруль.

Рискованно? Удвойте конспирацию. Оружие! Люди! Район! Маленькие собрания с иностранцами, всюду, где это возможно. В кафе. Гуляя. На улице. И как итог – общее делегатское собрание иностранных частей. Мы берем на себя его охрану. Вот... Есть возражения? Не знаю, это как будто все... Да! Еще один пункт, внесенный Жанной в повестку дня: неосторожность как метод работы...

Жанна. Снимаю. Ясно. До скорого! *(К Бродскому.)* Эх, не поругались как следует.

Бродский. Наверстаем еще. *(Усмехается.)*

Жанна уходит.

Орловская. Всегда боюсь за нее... Эта пылкость...

Бродский. Да...

Орловская. У меня такое впечатление, Мишель, что ты не до конца высказался, словно затаил какие-то возражения.

Бродский. Нет! Нет, нет! Я совершенно с тобой согласен. Мне ведь тоже не терпится! Я уверен, что эта весна, эта чудесная весна будет наша! Правда, Марианна? Ну, бегу, бегу! Да, послушай, мне нужен последний номер «Ле коммунист». И побольше.

Орловская. Опоздал. Все разобрали. Возьмешь на явке у Саньки. Между прочим, Мишель... Что я хотела сказать? Ах да! Что это за квартира у тебя? Может быть, опасно?

Бродский. Огромная, вечно пустая квартира. И только два человека: мамаша и сынок, которых почти никогда нет дома. Ни одному шпику и в голову не придет, что во дворце бан-

кирши Ксидиас живет подпольщик-большевик. (*Уходит.*)

Картина пятая. СЕМЬЯ КСИДИАС

Дом банкирши Ксидиас. Комната ее сына Жени. Женя один. Он раскладывает карты.

Женя. Триста рублей? Отвечаю. Никто не мажет? Предположим, что там примазывают еще триста рублей. Отвечаю. Карту? *(Говорит за воображаемого партнера.)* Да, пожалуйста. *(Говорит за себя.)* Извольте. Беру себе. Девять! Черт, шесть раз подряд девятка! *(Швыряет карты.)* Если бы напротив сидел партнер, а не кусок воздуха, у меня было бы уже тысяч десять. Ох, этот ужасный долг!... Почему, когда я сам с собой, мне так прет карта? Вероятно, потому, что я сам себе приношу счастье. Остроумно! Скажу Мишелю. Но где же Мишель? Скучно... Я покончил бы самоубийством просто из любопытства: интересно – что там? Тоже остроумно. Почему, когда я сам с собой, я блестящ? Но вот если сейчас отворится дверь и кто-нибудь войдет, я сразу потускнею, словно этот вошедший отнимет лучшую часть меня. Не отдавать! Не отдавать! Напротив, брать. Брать!

Стук.

Женя. Войдите.

Входит Санька.

Санька. Воронов здесь живет?

Женя. Здесь.

Санька. Где он?

Женя. Садитесь. Он скоро придет. Он уже бежит по лестнице, может быть.

Молчание.

Женя. Я вас знаю. Вы продавщица цветов.

Санька. Ничего подобного.

Женя. Вы можете мне открыться, барышня: я тоже революционер.

Санька. Но вы ошиблись!

Женя. Я понимаю: вы не настоящая продавщица. А это папка с нотами для маскировки, правда? Будто это ноты, а на самом деле подпольщина!

Санька. Мишель вам сказал?

Женя. Я проницателен. Итак, вы почтальон организации? Неужели Робеспьер тоже так начинал?

Санька. Не знаю.

Женя. Дантон начал речь в клубе якобинцев: «Человек, косящий звание французского короля, поклялся охранять конституцию и после этого бежал. И я с удивлением здесь слышу, что до сих пор он не лишен своей короны». А вы как начали свою революционную работу?

Санька. Организовали местком деревообделочников.

Женя. Я хотел бы жить во время Великой французской революции.

Санька. Я тоже хотела бы, чтобы вы жили во время Великой французской революции.

Женя. Она остроумна! Какая игра! В таком случае я

вам открою свой план. (*Придвигается.*) У меня есть серьезное предложение к подпольной организации. Если это предложение пройдет в жизнь, организация будет неуловима. (*Продвигается.*) Разговаривать на особом языке, непонятном для окружающих. (*Придвигается.*) На языке «ли». На пример: Вы-ли-хо-ли-ро-ли-ше-ли-нька-ли-я-ли де-ли-ву-ли-шка-ли.

Санька. От когда я живу, я не слышала такого идиотства.

Женя (*берет ее за руку*). Вы-лимне-лио-ли-чень-ли нра-ли-ви-ли-тесь-ли.

Санька. Но вы меня знаете только пять минут.

Женя. Как вас зовут?

Санька. Саня.

Женя. Идемте гулять! Весна. Цветы на улицах. Кино. Ах, Санечка, я вас люблю!

Санька. Вы комик.

Женя. Не злите меня! Я опасен!

Входит Бродский.

Бродский. Женя, кто-нибудь меня спрашивал?

Женя (*к Сане*). Вот Мишель.

Бродский. Вы ко мне?

Санька. Да.

Бродский. Женечка, можешь ты мне оказать большую услугу?

Женя. Для тебя готов на все!

Бродский (*пишет*). Мне нужно, чтоб сейчас ушло это

письмо. Немедленно, заказным. Ты, наверно, идешь гулять? Заверни на почту и сдай.

Женя. Это если я иду. А если я не иду? Ну хорошо, Мишель, ради тебя... До свидания, Санечка, мы увидимся. *(Уходит.)*

Бродский. В чем дело? Зачем вы пришли? Что-нибудь случилось?

Санька. Товарищ Бродский, ничего не случилось. Я по личному делу.

Бродский. Вы что, с ума сошли, товарищ? Вы знаете, что я живу законспирированно, и вы, член организации, позволяете себе прийти сюда без дела! За вами может быть слежка! Да вы можете провалить всех с вашими личными делами! Вы понимаете, что вы делаете? Вот вас видел этот тип, Женька...

Санька. Он какой-то чудак. Он говорит, что он революционер.

Бродский. Врет. Безвредный, но пустой малый.

Санька. Он сказал, что я вам, наверно, литературу принесла.

Бродский. Он так сказал? Ну вот... Спасибо вам! Мне надо немедленно отсюда убираться. Квартира испорчена. Нука, помогите мне, раз вы уж здесь. *(Вытаскивает портфель, укладывает.)* Безобразие! Я поставлю в известность вашу ячейку о вашем непартийном поведении. Личные дела! Какие у вас могут быть ко мне личные дела?!

Санька. Товарищ Бродский! Вы единственный крупный работник, которого я знаю.

Бродский. Ну?

Санька. И мы хотели с вами посоветоваться.

Бродский. Кто «мы»?

Санька. Мы. Группа молодежи.

Бродский. Ну?

Санька. Мы хотим взорвать штаб союзного командования.

Бродский. Что такое?!

Санька. Мы сделали подробный план штаба. Вот, *(Разворачивает огромный план, похожий на географическую карту.)* Видите, Бродский, это главный коридор. А это боковой. А это кабинет генерала. А это уборная.

Бродский. Нет, вы с ума сошли, товарищи!...

Санька. Почему? Мы сумеем туда пройти. Как водопроводчики. Починить уборную. И заложим там фугас. У нас есть. Подождем шнур. И все взлетит. Это очень легко. Мы хотели посоветоваться – в какой день это сделать?

Бродский. Как старший товарищ я вам запрещаю это делать. Ты слышишь? В областком, конечно, не знают об этом? Еще бы! Что это за партизанщина? Ничего без областкома. Железная дисциплина. Взорвать штаб – смысл? Что это вам, театр? Пора выбирать: или вы революционеры, или шибздики! Ну ладно. Я знаю, вы ребята в общем хорошие.

Санька. Товарищ Бродский, мне так хочется работать!

Бродский. Ну, ты же работаешь.

Санька. Нет, по-настоящему.

Бродский. Ты делаешь большую, полезную работу, товарищ.

Санька. Я знаю, например, французский довольно лично, Я могла бы агитировать солдат. Я уже агитирую немножко сама.

Бродский. Короче: что ты хочешь?

Санька. С вами по-настоящему поработать. Среди иностранных солдат...

Бродский. Так. *(Смотрит на Саньку, размышляя.)* И ты действительно знаешь?

Санька *(хватая подпольный «Ле коммюнист», читает)*. Nonnktes hommes de L'Europe et de L'Amйrique doivent reconnaotre notre droit de reconstruir notre vie comme nous le trouvons пйссессaire...» Честные люди Европы и Америки должны... – как это, фу ты, черт! – понять, нет, признать... признать... что... нет, не что, а наше право – в общем переделать нашу жизнь так, как это мы находим нужным. Ну?

Бродский. Три с плюсом. Ну ладно. *(Замыкает портфель.)* Приходи послезавтра вечером в кафе «Взятие Дарданелл». Знаешь? Там будут французы, англичане, греки, румыны, американцы. Увидишь за столиком меня или Жанну...

Снаружи кто-то дергает ручку дверей. Бродский открывает. Входит мадам Ксидиас. Она озирается: на столе план, у стены распахнутый шкаф, в руках Бродского туго

набитый портфель. Ничего не отражается на лице мадам Ксидиас. Она улыбается любезно и величественно.

Садитесь, мадам Ксидиас.

Ксидиас. Вы очень любезны, мсье Воронов. Я вам не помешала?

Бродский. Мы занимаемся. Это студентка. Это Женечкина коллега.

Ксидиас. Что это такое? (*Указывает на план штаба*).

Бродский. Это?

Ксидиас. Да.

Бродский. Южная Америка,

Ксидиас. Южная Америка?

Бродский. У нас как раз сейчас урок географии. Мы готовим урок для Женечки.

Ксидиас (*плотно усаживаясь*). Я послушаю урок географии.

Бродский. Мадам интересуется географией?

Ксидиас. Я интересуюсь всем, чем занимается с вами мой сын.

Бродский (*становясь у плана*). Южная Америка расположена от десятого градуса северной широты до пятьдесят пятого градуса южной широты. По устройству поверхности Южная Америка напоминает Северную. Это очень богатая страна. (*Хватает Ксидиас за руку и как бы впадает в географический экстаз.*) Она наполнена вулканами, крокодилами, попугаями, индейцами и бананами. Вот здесь течет ре-

ка Амазонка. *(Тычет в коридор.)* А вот здесь живут тигры. *(Тычет в кабинет.)* А вот здесь благоухают пальмы. *(Тычет в уборную.)* Понятно?

Санька. Понятно...

Бродский. А вам, мадам?

Ксидиас. Отдайте мне моего сына.

Молчание.

Вы украли моего сына. Отдайте мне его.

Бродский. Мадам?

Ксидиас. Когда-то наших детей крали цыгане. Дети выросли – их начали красть коммунисты! Вы поманили Женю своими звонкими словами, и он пошел за вами, как дитё за цыганской скрипкой. Большевики, воры детей, отдайте сына!

Бродский. Санька, портфель!

Санька берет портфель, идет к дверям. В продолжение дальнейшего разговора Бродский разбирает бумаги, часть прячет, часть сжигает в камине.

Ксидиас. Зачем вам дети чужого класса? Что, у вашего класса нет своих детей? Рабочие плодовиты. А у меня один сын, и его вы украли.

Бродский. Женя – не вещь, которую можно украсть.

Ксидиас. Вещь. Он моя вещь. Я его сделала. Он из меня!

Бродский. Что вам нужно?

Ксидиас. Давайте по-деловому. Вашей партии нужны деньги. Сколько вы хотите, чтобы отпустить Женю из ком-

мунистов? Хотите полтора ста рублей?

Бродский (*Саньке*). Иди.

Санька уходит. Бродский садится.

Ксидиас. Ну, двести. Это хорошие деньги.

Бродский. Но и парень какой! Вы имеете товар,

Ксидиас. Двести пятьдесят наличными.

Бродский (*поднимается, говорит с насмешливостью, впрочем не замечаемой м-м Ксидиас*). Мадам, моя голова оценена в десять тысяч франков. Неужели мальчик из хорошей буржуазной семьи стоит меньше, чем голодранец большевик? Десять тысяч – и ни копейки меньше! (*Направляется к двери.*)

Ксидиас. За что? Пожалейте мать!

Бродский (*остановился, вскипел*). Вы не мать. Вы урод. Вы капиталистический урод. Ваша нежность переродилась в алчность, стыдливость – в скупость. Ваша материнская любовь простирается только до двухсот пятидесяти рублей...

Ксидиас. Ну – триста... Ах, так! Вы добром не хотите? (*Бежит к окну.*)

Бродский (*вынимает портсигар с таким видом, точно это револьвер*). Назад!

Ксидиас. Ах! (*Пятится, в страхе влезает в шкаф.*)

Бродский. Ну вот и прекрасно. (*Запирает шкаф на ключ, идет к дверям, сталкивается с входящим Женей.*)

Женя. Куда ты с вещами?

Бродский. Уезжаю.

Женя. Почему?

Бродский. Ты слишком глубоко суешь нос в чужие дела.

Женя. Я просто интересуюсь революцией.

Бродский. Твое любопытство подозрительно.

Женя. А где Санька?

Бродский. Ты к ней лез с похабными разговорами? Это тебе не дамочка из мамашинного салона!

Женя. Она не маленькая, и я не ребенок.

Бродский. Я вижу, что ты взрослый, совершенно сложившийся сукин сын! (*Уходит.*)

Женя. Мишель! Я тебя любил! Берегись! Ну погоди же!

Из шкафа отчаянный стук и крики.

(Обращаясь к шкафу.) Не морочь мне голову!

Картина шестая. ЧАСОВОЙ АЛИ

Штаб союзного командования. Входят: 1. Генерал – главнокомандующий силами Антанты на юге России – помещик-солдата и дипломата, крашенные волосы, вспыльчивый, с переходами от площадной ругани к придворной вежливости, вззирающий на Россию как на разновидность Африки. 2. Полковник Фредамбе – старый, выдавший виды колониальный служака. 3. Капитан Филлиатр – интеллигент из резервистов, по-видимому школьный учитель, дослужившийся до чинов. 4. Румынский, греческий и американский офицеры.

Полковник. Мой генерал, русские политические деятели собрались.

Генерал. Превосходно. Я обращусь к ним со словом.

Полковник (*говорит в зрительный зал*). Господа русские политические деятели. Господа деникинцы! Господа красновцы! И кадеты! И эсеры! И эсдеки! И эне-сы! Господа из национального центра! Господа из союза возрождения! Из союза сахарозаводчиков! Из союза русского народа! И из прочих союзов! Господа петлюровцы! Господа октябристы! Монархисты! Боротьбисты! И все прочие господа! Главнокомандующий союзными силами на юге России обратится к вам со словом. Слушайте его, господа политические деятели!

Генерал (*говорит в зрительный зал*). Приветствую вас от

имени Антанты, господа. Мы не забыли усилий, приложенных Россией в начале войны, и вот мы пришли в Россию, чтобы дать возможность благонамеренным элементам и русским патриотам восстановить в стране порядок. Надо работать, господа. Вы не любите сражаться. Никто за вас не будет таскать каштаны из огня. Семь с половиной миллиардов вы должны были союзникам еще до тысяча девятьсот тринадцатого года. А три с половиной миллиарда, которые они вам дали во время войны! А два миллиарда гарантированных железнодорожных долгов! Дайте мне счета. *(Щелкает на счетах.)* Да плюс два миллиарда, которые союзники одолжили муниципальным предприятиям. Одна Одесса должна семьдесят три миллиона золотых франков. Я подсчитал, господа. Четырнадцать миллиардов семьсот двенадцать миллионов девятьсот девяносто восемь тысяч шестьсот сорок девять франков золотом должна Россия союзникам. Процентом я пока не считаю. А ваши белые офицеры, вместо того чтобы идти в бой, как это полагается честным должникам, виноват, честным воинам, сидят в кафе и распивают коньяк на наши деньги, господа. Здесь все наше. Трамвай! Уголь! Порт! Штаны, в которые вы одеты! Женщины, с которыми вы спите! Господа, мы бескорыстны. Мы пришли помочь вам во имя цивилизации. Поменьше разговоров, господа, побольше дела. На большевиков! На Москву! За наши общие святыне идеалы! Я надеюсь, не пройдет и месяца, и под священными сводами Кремля раздастся победоносный звон нашего ста-

рого доброго оружия. *(Потрясает счетами. Обращается к Фредамбе.)* Полковник, я уезжаю, политических деятелей вы примите сами. Отберите наиболее смысленных, соорудите из них правительство. И действуйте из-за его спины. Вы знаете, это наш старый колониальный прием. Объявите через правительство мобилизацию. Постарайтесь поймать коммунистов. Лучше всего, если вы их повесите в рабочем районе. У русских живое воображение. На них это сильно подействует. Со мной сносите депешами. Прощайте. *(Уходит с частью офицеров.)*

Полковник. Ну, капитан Филлиатр, вы приехали с передовых позиций. Рассказывайте. Вы не спешите там у себя на фронте? Ни шагу вперед.

Капитан. Мы вчера отошли на пять километров.

Полковник. Скандал! Мы отступаем перед бандами голодных и вшивых повстанцев и их вождем – этим полуграмотным матросом Бондаренко! Европейский скандал...

Капитан. Было время, и я так думал. Но вот я видел красных в бою. Это не банды, полковник. Красные войска по своим боевым качествам напоминают войска Великой французской революции. Они опрокидывают старую тактику. А мы плохо деремся. В наши ряды проникли красные агитаторы. Вот! *(Передает листовку.)*

Полковник *(читает)*. «Товарищи, вас обманули, как в тысяча девятьсот четырнадцатом году». Опять! Я узнаю руку областкома. Она всюду тянется из своего подполья, это

слишком длинная рука. Я обрублю ее!

Капитан (*берет листовку*). Они умеют делать эти вещи, полковник. Просто, сильно и – надо признаться – правдиво.

Полковник. Вы устали, капитан.

Капитан. Я сам видел, как солдат, прочитав такую листовку, крикнул: «Боже мой, я же большевик!» Я понял его, полковник. Это идет к сердцу. Это, в сущности, программа порядочных людей.

Полковник. Вам надо отдохнуть, капитан. У вас появляются мысли неврастеника. Идите, капитан, отдохайте.

Капитан уходит. Стук.

Кто там?

Входит мадам Ксидиас. Одета эффектно, выглядит еще более зловеще и вульгарно, чем обычно.

Мадам, я занят, но для вас я бросаю дела.

Ксидиас. Полковник, у меня сообщение исключительной важности.

Полковник. Неужели и вы, мадам, занялись политикой? Быть может, вы новый претендент на гетманский престол и вас в этом поддерживает могущественная партия, состоящая из прекрасных одесских дам?

Ксидиас. Полковник, я поймала коммунистов.

Полковник. Вы шутите!

Ксидиас. Завтра вечером несколько большевистских агитаторов соберутся вместе с вашими солдатами и матросами в кабачке «Взятие Дарданелл». Там будет один из главарей –

Бродский, он же Воронов, такой худой, длинный. Также девушка по имени Санька. Еще кое-кто, наверно.

Полковник (*записывает*). Откуда эти сведения у вас?

Ксидиас. Откуда бы они ни были, это точно.

Полковник. Быть может, вам известны их планы, мадам?

Ксидиас. Я слыхала, что они хотят взорвать...

Полковник. О, я знаю – старый мир...

Ксидиас. Штаб союзного командования!

Полковник. В самом деле? Кто же такой этот Бродский?

Ксидиас. Берегите от него ваших солдат. Он очарует их своей речью, как очаровал он...

Полковник. Кого?

Ксидиас. Многих... Языкатый...

Полковник. Мадам, от имени цивилизации благодарю вас.

Ксидиас. У меня к вам просьба.

Полковник. Я весь внимание.

Ксидиас. Если вам во время ареста попадется Женя Ксидиас, знайте – это мой сын. Он не коммунист. Он так, балуется. Он с капризами. Вы его отпустите, полковник?

Полковник. Этого нельзя сделать, мадам. Но для вас...

Ксидиас уходит. Входит капитан Филлиатр.

Капитан. Пришел господин, которого вы...

Полковник (*прерывая его*). Немедленно усилить внешнюю и внутреннюю охрану штаба.

Капитан. Слушаю. Господин, которого вы вызывали, пришел.

Полковник. Впустите его.

Филлиатр впускает Имерцаки и уходит.

Ваша фамилия Имерцаки?

Имерцаки утвердительно кивает головой.

Вы содержатель игорного клуба?

Имерцаки утвердительно кивает головой.

В вашем клубе бывает много офицеров?

Имерцаки. Много, господин полковник. Я даже иногда удивляюсь: кто же на фронте остался?

Полковник. В последнее время в городе было обыграно несколько моих подчиненных: майор Режан...

Имерцаки, Это не я. Это Филькина работа.

Полковник. Лейтенант Тоглие...

Имерцаки. Это не я. Его обставил Ривеле-Язва.

Полковник. Наконец этот возмутительный случай с капитаном Пежо, которого обобрали до нитки!

Имерцаки. Это я. Что я, то я.

Полковник. Вы имеете бестактность обыгрывать офицеров моего штаба. Надо знать меру, господа!

Имерцаки. У каждого свой хлеб, господин полковник.

Полковник. Я призвал вас сюда, мсье Имерцаки, чтобы объявить вам: деньги моих офицеров должны быть возвращены. Даю вам сроку пять минут. Или...

Имерцаки. Или что, господин полковник?

Полковник. Или я вас вышлю из города.

Имерцаки. Куда? Город осажден большевиками.

Полковник. Вот к большевикам я вас и вышлю, Имерцаки. Они меня не возьмут. На что я им?

Молчание.

Полковник. Я жду, мсье.

Имерцаки. Господин полковник, что я такого сделал?

Подтасовал колоду – подумаешь! Это с каждым может случиться.

Полковник. Не посвящайте меня в ваши грязные махинации, мсье.

Молчание.

Я жду.

Имерцаки (*делает движение к двери*). Ну, я пошел.

Полковник (*вежливо*). Садитесь, пожалуйста. (*Звонит.*)

Входит капитан Филлиатр.

Этого плута отправить на фронт и перебросить на сторону большевиков.

Имерцаки. Не надо, господин полковник! Что я буду делать у большевиков? Я ж там пропаду.

Молчание.

Может, сойдемся на половине? Ну, бог с вами, господин полковник. Я не хочу портить отношения с Антантой. (*Кладет на стол деньги.*)

Полковник. Ступайте. И помните: мои офицеры никогда не проигрывают.

Имерцаки. Будьте спокойны, господин полковник. Я знаю правила игры.

Имерцаки уходит.

Стук.

Полковник. Какой урожайный день! Нельзя. Я занят.

Вбегают Женя Ксидиас. Видно, что он провел несколько ночей черт знает где. Белый воротничок сбит и грязен. Лицо гримасничает.

Женя. Полковник, очень важно!

Полковник. Ни один человек еще не входил в этот кабинет, чтобы не крикнуть: «Очень важно!» Что важно?

Женя. Я вам выдам коммуниста!

Полковник. Садитесь.

Стук.

Да нет, нельзя! Прием прекращен! Часовой!

Входит Али.

Стань у дверей и никого не впускай. Я вас слушаю.

Женя. Я хотел бы поговорить наедине.

Полковник. Так мы же наедине. Ну, это сенегалец. Разнообразие мебели. Ну?

Женя. Полковник, я вам выдам коммуниста.

Али прислушивается.

Полковник. Я уже слышал. Имя?

Женя. Не торопите меня!...

Полковник. Черт возьми, почему столько приготовлений?

Женя. Мне тяжело. Я выдаю друга.

Полковник. Я слышал о том, что русские интеллигенты любят долго переживать. У Достоевского об этом читать ин-

тересно. В жизни это невыносимо. (*Пишет.*) Кончите переживать – скажете.

Женя. Когда французы становятся пошлыми, они превосходят в этом все нации!

Полковник. Как и во всем остальном.

Женя. Его имя Бродский, Мишель.

Али прислушивается.

Полковник (*читает свою запись, сделанную во время визита Ксидиас*). А другое?

Женя. Отчего вы думаете, что у него есть другое?

Полковник. У всех революционеров бывает другое.

Женя. Воронов...

Полковник (*сверяясь с записью*). Так. Сообщники?

Женя. Я больше никого не знаю. Вы можете арестовать его как-нибудь вечером в одном из ресторанов, посещаемых вашими солдатами. Дайте мне десять тысяч франков.

Али прислушивается.

Полковник. Не так скоро, молодой человек. Деньги вы получите после ареста Воронова.

Женя. Ах так! Не доверяете?

Полковник. Воронов вам тоже доверял.

Женя (*вскакивает*). Полковник, я негодяй!

Полковник. Успокойтесь, молодой человек. Какова его наружность?

Женя. Он великан!

Полковник. Великан? А какое у него лицо?

Женя. У него лицо огромное. Как Сибирь!

Полковник. Вас зовут Женя Ксидиас. Зачем вы мне врете?

Женя. Полковник...

Полковник. Я все знаю. Я управлял целой страной. Сенегалом. Это страна рабов. Россия – это гигантский Сенегал. Вот стоит сенегалец. Он черен. От туп. Он скот. Я вижу его насквозь. Вы белы. Вы умны. Вы талантливы. Я вижу вас насквозь. Воронов худой и длинный. Сообщники?

Молчание.

Я не поверю, чтобы этот Воронов решил выступить против могущественной Антанты один.

Женя. Я знаю одну... Я получу за нее отдельно?

Полковник (*с достоинством*). За каждую голову мы платим отдельно.

Женя. А их не очень будут мучить?

Полковник. Какие мученья! Это литература, молодой человек. Это гиньоль. Это фантазия обывателей. Контрразведка – это чистенькая комфортабельная комната, вроде канцелярии; там сидит чиновник с высшим образованием и вежливо разговаривает вроде меня. Вы имеете дело с Европой, молодой человек!

Женя. Девушка по имени Санька.

Али прислушивается.

Полковник (*сверясь с записью*). Так, так, так. Вы мне ничего нового не сообщили, молодой человек. Вот. (*Показывает запись.*)

Женя. Как! Я ничего не получу?

Полковник. Мне очень жаль, но за этих уже уплачено.

Женя. Кто вам их выдал?

Полковник. Этого я вам не могу сказать.

Женя. Позвольте, но кто же мог выдать? Ведь никто из них не мог выдать!

Полковник. Но вот вы же выдали.

Женя. Значит, меня кто-то ограбил... О, если бы я знал, кто! Я бы убил его!

Полковник. Я вижу, вам очень нужны деньги?

Женя. Очень. Полковник, я проиграл чужие деньги. Мамочкины. Она не знает.

Полковник. Ай-ай-ай! Эти игорные клубы – это прямо несчастье. Но где же вам достать деньги? Может быть, вы еще кого-нибудь знаете? Хоть тысяч на десять?

Женя. Эх, если бы я еще хоть одного знал! *(Думает.)* Нет, больше никого... Жаль... Они мне ведь не очень доверяли. Ну, прощайте, полковник. Так вы говорите, не очень мучают?

Полковник. Чистенькая, уютенькая комнатка...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина седьмая. «ВЗЯТИЕ ДАРДАНЕЛЛ»

«Взятие Дарданелл» – кабачок с музыкой и подачей спиртных напитков. Столик – два моряка, французский и английский.

1-й моряк. У немцев есть хорошие стороны. Например – пиво.

2-й моряк. Я видел немцев только мертвыми.

1-й моряк. Нет, нельзя отрицать, будем справедливы. Например – глинтвейн.

2-й моряк. Все, что я знаю немецкого, – это трупы.

1-й моряк. Берется красное подешевле. Половинка лимона. Немного гвоздики. Все на огонь. И получается...

За соседним столом Бродский и Санька.

Бродский (*морякам, приподнимая шляпу*). Вы забыли мускатный орех.

1-й моряк. Мускатного ореха сантимов на пять. Мерси! Я вижу знатока немецких нравов?

Бродский. Но главным образом французских. Я жил в Париже восемь лет.

1-й моряк. Мой приятель из деревни, но я парижанин.

Бродский (*учтиво*). За Париж!

Все пьют.

1-й моряк (*с видом человека, умеющего ценить любезность*). За Одессу!

Все собираются пить.

Бродский. Подождите. С вашего разрешения изменим этот тост так: за освобождение Одессы.

2-й моряк. От кого?

Бродский. От ига интервентов. Я имею в виду не вас. По-выше. На капитанском мостике. Еще выше...

1-й моряк. Я был шофер. Теперь я моряк. Это одно и то же. Куда нам прикажут, туда мы и идем.

Бродский. А если бы вы задумались...

2-й моряк. Я не хочу думать. Чтобы все понять, надо иметь на плечах сто голов, а не один несчастный набалдашник.

1-й моряк. Он из деревни. Он грубоват. Он простой батрак.

Санька. Вы из деревни? Мы здесь, в России, отняли всю землю у помещиков...

2-й моряк. Поёшь...

Санька... и роздали ее беднякам и батракам.

2-й моряк. Побожись.

Санька. Бога нет.

Бродский. Ей-богу!

2-й моряк. Мы тебя не знаем. Откуда ты?

Бродский. Я знаю Европу. Я жил там. Я знаю Россию. Я русский. Дети мои, всюду одно и то же: богатый вскарабкался на бедняка и ездит на нем верхом.

1-й моряк. Это, положим, верно, приятель. А? Что верно, то верно.

2-й моряк. Продолжай, русский, продолжай.

Бродский. Я знаю жизнь, дети мои. Я много повидал. Бегут славных французских, английских или американских ребят – рабочих, батраков, набивают ими судно и посылают в далекую Россию. Зачем? Зачем, я вас спрашиваю? Сидеть в кафе и распивать вино под звуки мандолин? Нет. Убивать! Громить! Резать! Вешать! Кого? Таких же славных ребят, русских рабочих и батраков, за то, что они скинули наконец с себя этого проклятого всадника, который сидел у них на плечах... Спасибо вам, братья, за дружескую услугу! Пьем за ваше здоровье, обманутые братья!

1-й моряк. Ну, меня, я думаю, не так легко одурачить.

Санька. А тысяча девятьсот четырнадцатый год?

Бродский. Да, тысяча девятьсот четырнадцатый год?

1-й моряк (*задумчиво*). Да... тысяча девятьсот четырнадцатый год...

2-й моряк. Продолжай, русский, продолжай

Продолжают тихо разговаривать.

Столик – господа петербургской наружности, дама, белый офицер.

На улице раздается стрельба.

2-й господин (*даме*). Не волнуйтесь. Это налетчики грабят прохожих. Или, напротив, волнуйтесь: это вас украшает.

1-й господ и н. Вот союзники уже два месяца в Одессе. Но где же Москва?

2-й господин. Франк падает. Я больше не занимаюсь франками. Я занимаюсь только долларами.

Белый офицер. Терпение, господа, терпение. Нужно понимать в тактике. Союзники повторяют свой знаменитый маневр на Марне. Через две недели мы будем в Москве.

Дама. Боже мой, а я вчера заказала портному костюм, и он будет готов только через три недели...

Стрельба. С улицы вбегает гражданин в одном белье.

Гражданин. Караул! Меня ограбили! Господа! Догоните их!

1-й господин. Вот еще!

2-й господин. Заступаться за спекулянтов!

Дама (*офицеру*). Помогите же ему!

Белый офицер. Мадам, у белой армии есть более высокие задачи, чем возвращение пропавших брюк неудачникам.

Хозяин уводит гражданина.

1-й моряк. То, что ты говоришь, похоже на речи нашего судового механика.

2-й моряк. Уже пять лет мы не были на родине. Я забыл запах полей. Я спрашиваю тебя, русский: где Версальский мир?

Бродский. Эх, приятель! Вы не понимаете вашей силы. Вас много. У вас оружие. Вам надо только стовориться.

Подходит Марсиаль.

Бродский. А, Марсиаль! А где остальные?

Марсиаль. Я думал, они здесь. *(Саньке, тихо.)* Уйди отсюда.

Санька. Почему?

Марсиаль. Уйди. У меня плохое предчувствие.

Бродский. Выпей, Марсиаль. Я не верю в плохое предчувствие. Я верю в плохое послечувствие. Вот после того, как тебя повесят, ты себя будешь чувствовать довольно плохо.

Марсиаль *(со страхом)*. Меня не повесят!

Входит ограбленный гражданин. Хозяин его одел. Он садится за столик.

Появляются Филипп, Имерцаки и Мария Токарчук. Они садятся за столик к ограбленному гражданину. Гражданин взглядывается в них и в ужасе вскакивает.

Филипп *(с грозной любезностью)*. Я вам мешаю чем-нибудь? Может быть, я вам не нравлюсь?

Гражданин *(с ужасом)*. Нет, вы мне очень нравитесь. *(Садится.)*

На эстраде актеры исполняют номер: «Налетчики» – танец и песни.

В Валиховском переулке –
Там убитого нашли.

Был он в кожаной тужурке,
Восемь ран на груди.

На столе лежит покойник,
Тускло свечи горят.
Это был убит налетчик,
За него отомстят.

Не прошло и недели –
Слухи-толки пошли:
В Валиховском переулке
Двух легавых нашли...

Забодали тужурку,
Забодали штаны
И купили самогонку
На поминку души.

Филипп. Музыка – отдых. Ваше здоровье!

Гражданин (*робко*). Ваше здоровье!

Филипп. Особенно когда цельный день работаешь.

Гражданин ужасается.

Наша работа – тяжелая работа.

Гражданин в панике.

Поэтому противно, когда плохо поют. (*Обращается к ис-*

полнителю.) Послушайте, разве бандиты так поют? Певчие в синагоге так поют.

Конферансье (*язвительно*). Если гражданин так хорошо знаком с бытом бандитов, может быть, он сам исполнит нам песню бандитов?

Смех в публике.

Филипп (*встает*). Вы просите песен? Их есть у меня, (*Поет.*)

Имерцаки и Токурчак аккомпанируют на дрымбах.

Гром прогремел,
Золяция идеть.

Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами,
И что настал криктический момент,
И заедает темный элемент!

Вот мент идеть,
Идеть в обход.

Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами,
И что настал криктический момент,
И заедает темный элемент!

Аплодисменты.

Моряки прощаются с Бродским и Санькой.

1-й моряк. Мы увидимся.

Бродский. Скоро вы услышите кое о чем, и нам понадобится ваша помощь.

Входит Али. Он взволнован. Он ищет глазами в толпе. Он видит наконец Бродского и Саньку.

Али (*возбужденно*). Сингу ваньямвези матабеле овамба бечуан, Мишель!...

Санька. Что он хочет? Али!

Бродский. Садись, Али, пей.

Али. Матабеле! Матабеле!

Бродский. Что?

Али. Сингу бангвелло. Мбиангавамба бечуан, бечуан Мишель!

Мишель. Что-то случилось? Неужели его никто не понимает?

Санька. Вот Марсиаль служил в Африке.

Али и Марсиаль тихо беседуют.

Марсиаль. Какая-то чепуха. Он, наверное, пьян или влюблен.

Али (*в отчаянии*). Бангвелло! Бангвелло!

Бродский (*тихо Саньке*). Все это мне очень не нравится. Надо ушиваться отсюда. Незаметно. По одному. Иди первой.

Санька. Нет, ты иди первый.

Бродский. Иди первой!

Санька. В случае чего, важнее, чтобы ты остался на свободе.

Бродский. В порядке партийной дисциплины – иди первой.

Санька идет к выходу.

Входит патруль.

Начальник патруля. Назад!

Санька отступает.

2-й господин. Ой, облава! Обыск... У меня доллары. (*Бросает доллары под стол.*)

Начальник патруля. Господа, прошу извинить за беспокойство. Речь идет только об изъятии нескольких государственных преступников.

Филипп. Ну, будет заварушка. (*Поднимает из-под стола доллары.*)

Начальник патруля. Остальную публику прошу не волноваться. Господ артистов прошу продолжать.

Конферансье. Ничего, господин капитан, мы подождем.

Начальник патруля. Вам говорят – продолжать!

Артисты продолжают играть. Начальник патруля смотрит на Марсиаля, тот глазами указывает на Бродского.

Начальник патруля. Ваш документ!

Бродский дает документ.

Начальник патруля. Прекрасная работа. Сами делали?

Бродского берут. Марсиаль мимически объясняет начальнику, что больше никого нет. Начальник патруля толкает Бродского к выходу.

Санька (тихо). Сволочи!

Начальник патруля (услышав). Взять ее!

Берут Саньку, она сопротивляется, рвут на ней платье.

Начальник патруля (хлопает ее по обнажившемуся плечу). Ну, моя курочка...

Бродский опрокидывает начальника патруля и бежит к дверям. Свалка. Санька убегает через окно.

Токарчук (сладострастно дрожа). Будет мокрота! Будет мокрота!

Имерцаки. Садись!

Токарчук (по-прежнему). Квас потечет! Квас потечет!

Филипп (силой усаживая Токарчук). Ну ты, мокрушница, потише!

Начальник патруля. Связать его! Руки за спину. Комиссарская морда! Сейчас мы с тобой поговорим.

Бродского, связанного, ведут через кафе.

А где девчонка? Поймать ее!

Патрульные выбегают на улицу. Свистки. Стрельба.

(К эстраде.) Я говорю вам – продолжать! Музыка, туш!

Музыка играет туш.

Картина восьмая. НОЧЬ 1919 ГОДА

Аптека. Ночь. Полумрак. Шкафы с ядами. Мерцают рубиновые и фиолетовые вазы.

Храп аптекаря. Звонок. Еще звонок. Стук. Сотрясение двери. Аптекарь идет, шаркая туфлями, – старик, которому революция не дает выспаться.

Аптекарь. Аптека закрыта. Вы слышите? Обратитесь в дежурную аптеку. Уходите.

Голос. Открой. Или я брошу бомбу.

Аптекарь открывает. Входят Жанна, Санька и Али. Жанна поддерживает Саньку.

Жанна. Бинт! Вату! Йод!

Аптекарь роется в шкафу.

Санька. Выбегаю из ресторана. Стреляют вслед. Улицы темные, пустые. Бегу. Стреляют вслед. Падаю. Ничего не помню.

Аптекарь перевязывает.

Жанна. Должно быть, долго ты лежала. Я споткнулась о тебя. Я шла к вам в кафе. Али меня предупредил.

Санька. Откуда он знал?

Али. Бангвелло! Бангвелло!

Аптекарь. Ничего опасного: пуля прошла насквозь.

Санька. Слабость, слабость...

Аптекарь. Я не могу оставить вас здесь. Вы должны уйти.

Я хочу спать.

Жанна. Молчи. Ты знаешь, кто мы?

Аптекарь. Я не хочу знать. Отстаньте от меня с вашими сумасшедшими делами. Я хочу спать.

Жанна. Мы контрразведка. Понял? Никто не должен знать, что мы здесь были. Понял? Иначе... Ты знаешь, как поступают с болтливými?

Аптекарь. Я ничего не видел. Я ничего не слышал. Вы ко мне не приходили. Ничего не было.

Жанна. Иди к себе.

Аптекарь уходит за стойку.

Что-нибудь придумала?

Санька. Ничего.

Жанна. Если до утра мы не вырвем Мишеля из контрразведки, он погиб.

Молчание.

Али. Мишель бангвелло ваньямвези, Мишель!

Жанн а. Он что-то знает. Но что – я не могу понять.

Санька. Надо спасти Мишеля.

Жанна. Думай, Санька, думай.

Санька. Дать взятку... Но если не возьмут?

Молчание.

Украсть какую-нибудь ихнюю шишку и обменять на наших...

Молчание.

Взять автомобиль и... Так нет автомобиля...

Молчание.

Ворваться силой, с пулеметом...

Молчание.

Какая-нибудь хитрость...

Молчание.

Жанна. Ты идти не можешь?

Санька. Слабость...

Жанна. Я ухожу. Я отыщу Степикова. Я отыщу областном.

Надо спасти Мишеля. Вот тебе револьвер. (*Дает Саньке револьвер.*) Я приду за тобой. Эй, старик, ты помнишь, что я сказала?

Санька. Жанна! Кто же нас провалил?

Жанна. Я приду. Али! Идем, Али!

Али и Жанна уходят.

Аптекарь. Когда-то наше ремесло было самое мирное. Рыбий жир. Касторка. Люди умирали в меру. Я вас спрашиваю: куда девались старые, добрые болезни? Где ишиас? Где геморрой? Я вижу одни раны – колотые, резаные, рваные. Уже три года как я не видел анализа мочи. Люди перестали интересоваться своей мочой. Они начали интересоваться политикой. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Санька дремлет. Вбегают, не замечая ее, Женя. Он смраден. Он, видимо, скатился на самое дно.

Женя. Аптекарь, дай мне опиума! У меня понос!

Аптекарь. Наконец-то я вижу человека с приличной болезнью. Натяните вам опиум, молодой человек.

Женя. Этого мало. Еще четыре пилюли!

Аптекарь. Вы с ума сошли! Слона можно убить четырьмя пилюлями.

Женя. Или ты мне сейчас дашь их, или я тебе отолью такую пилюлю!... *(Лезет в карман.)*

Аптекарь. Сейчас, сейчас. Я уже вижу, у вас есть рецепт. *(Дает пилюли.)* Вы, наверное, тоже из контрразведки?

Женя. Осел! Я большевик. *(Подносит пилюли ко рту.)*

Аптекарь. Что вы делаете?

Женя. Не мешай мне, старик! Я сам себе вынес приговор.

Аптекарь. Зачем вам травиться? Вот у вас револьвер – стреляйтесь. Вам все равно. А мне меньше неприятностей.

Женя. Убирайся, старик! Что ты понимаешь в этом! Испортить себе череп!... Я лежу в цветах... «Как он молод... Как он красив...» *(Напевает похоронный марш.)* Их нужно глотать? Настоящий яд должен быть жидким. Эй ты, заведующий ядами, нацеди-ка мне в этот пузырек немного смерти.

Аптекарь наливает.

Какая вонь! Чего ты мне налил сюда? Я согласен умереть, но не в такой вони. Что здесь?

Аптекарь. Хороший нашатырный спирт.

Женя. Мошенник! Он хотел мне подсунуть дешевый яд! Вульгарный яд горничных, отвергнутых любовников, пролетарский яд... Я люблю свой класс – буржуазию! Дай мне буржуазного яду! Дай мне самую дорогую отраву...

Аптекарь подносит Жене рюмку.

Что это?

Аптекарь. Кураре.

Женя (*озабоченно*). Возьмет ли меня кураре? Как оно действует?

Аптекарь. Сначала ваша нижняя челюсть отвиснет. Потом западут ваши ноздри...

Женя. Перестань!

Аптекарь. Потом ваше лицо станет синевато-желтым...

Женя. Перестань!

Аптекарь. Потом ваша кожа покроется холодным и липким потом. Глаза закатятся, и изо рта выйдет фиолетовая пена.

Женя. Молчи! Я не хочу мучений. Они тоже не мучаются. Полковник сказал мне: «Никаких мучений». Чем же я хуже их? Я умираю потому, что не хочу мучений совести. Дай мне смерть легкую, как поцелуй сестры...

Аптекарь (*копается в одном из своих страшных ящичков*). Морфий? Хлорал-гидрат? Кокаин?

Женя (*благодарно*). Кокаином отравили Сократа. Философский яд. Он быстро действует?

Аптекарь. Момент! (*Дает Жене кокаин.*)

Женя (*после раздумья*). Я хочу долго уходить из мира. Пусть затянется последнее свиданье. Дай мне смерть длинную, как любовь матери.

Аптекарь. Ей-богу, я в жизни не видел такого привередливого покупателя, как вы. Все ему не подходит. (*В сердцах*)

наливает из графина воду и собирается выпить ее.)

У входа показывается Имерцаки, никто не замечает его.

Имерцаки (шепотом, обращаясь за кулисы). Хозяин! Фраер тут.

Входят и прячутся за шкаф Филька и Токарчук.

Женя (театральным тоном). Это потому, что все к тебе приходят за жизнью, а я к тебе пришел за смертью. Ну, что же ты мне посоветуешь проглотить? Ты же понимаешь в этой гастрономии.

Аптекарь. Я вам посоветую, молодой человек, хорошую селедочку с луком...

Женя. Молчи. Остричь в такую минуту! И притом так плоско!

Аптекарь (подавая стакан с водой). Без боли. Без вкуса. Без запаха. Отличный яд.

Женя. Гм! Ты уверен в том, что это отличный яд? (Нюхает.) Действительно, без запаха. Интересно – какой он на вкус? Но для этого надо попробовать... (Размышляет.) Это похоже на химический опыт... Я согласен умереть – но как человек, а не как морская свинка... (Отставляет стакан.) Я повешусь!

Аптекарь (с энтузиазмом). Да, да, повесьтесь! (Пьет воду из стакана.)

Сзади подходит Филька-анархист.

Женя (плача). Да, я повешусь!

Филипп. Женька, перестань уже работать языком.

Женя. Это ты? Не лезь, пожалуйста!

Филипп. Представление окончено! Я для тебя не публика? Я слишком хорошо знаю тебя!

Женя. Не тыкайте мне, пожалуйста!

Филипп. Гордец! Наполеон! Люди помешались. Все лезут в Наполеоны. Нельзя по улице пройти от Наполеонов. Я тебе скажу по секрету: я сам хочу стать Наполеоном. И, между нами говоря, у меня на это шансов больше, чем у вас всех. Я тебе предлагаю стать моим Муратом. Что? Это тоже не плохо.

Женя. Я знаю, на что ты намекаешь. Последний раз: я не бандит. Я не пойду грабить мамочку. Так низко я еще не пал!

Филипп. Не пойдешь? А вот она тебя уже ограбила. Слушай меня, зануда. Пока ты интеллигентно переживал – донести или нет, твоя дорогая мамочка без всяких переживаний, как паровоз, перла прямо к полковнику со списком коммунистов в кулаке. Твои переживания обошлись тебе в двадцать тысяч франков.

Женя. Мама...

Филипп. Революция тебя надула. Контрреволюция тебя надула. Родная мать тебя надула. Я один тебя не надул.

Женя. Мама...

Филипп. Я могу предложить тебе средство хорошо отплатить мамаше и вместе с тем недурно заработать.

Женя. Ну?

Филипп. Банкирская контора твоей мамашы в пяти мину-

тах ходьбы отсюда. Я думаю сейчас предпринять небольшой визит в банкирскую контору твоей мамыши. Там есть сторож. Сторож тебя знает, а?

Женя. Сколько?

Филипп. Я слышу язык мужа! Пять процентов от валового сбора.

Женя. За пять процентов ищи себе другого Мюрата.

Филипп. Семь!

Женя. Двадцать!

Филипп. Двадцать процентов наводчику? Это было бы с моей стороны просто неэтично по отношению к моим товарищам. Я и так тебе предлагаю максимум – десять процентов. Спроси их. Ты не знаком. Это Имерцаки. Он зимой очистил казначейство.

Имерцаки. Очень приятно.

Филипп. Это Мария Токарчук. Она разрешила падчерицу на сто кусков.

Токарчук (*не без кокетства*). На девяносто восемь.

Филипп. Ну?

Женя. Идет!

Филипп. Порукам!

Женя. Проклятая старуха! Она опять обманула меня. Идемте, я вам покажу, где банкирша Ксидиас прячет свои богатства. Мама, мама, ты завещала мне одни пороки! Мама! Я отрекаюсь от тебя! (*Обращаясь к Филиппу.*) А ты не боишься?

Филипп. Чего?

Женя. Что нас захлопают?

Филипп. Не будь идиотом. Полиция у меня в доле.

Начальник контрразведки – мой друг.

Санька. Филипп!

Движение среди бандитов. Филипп, хватаясь за карман, подбегает к Саньке.

Филипп. Спокойно. Это Санька-цветочница. В чем дело, Санька? Хочешь с нами работать? Хочешь вступить в пай? Правильно. Вот и Женя к нам пришел. Вот у нас собирается своя молодежь. Политика – вонючее дело.

Санька. Филипп! Нужно вырвать Мишеля из контрразведки Ты можешь: начальник контрразведки – твой друг.

Филипп. А что мне твои Мишели? Братья? Сватья?

Санька. Филипп! В эту минуту Мишеля мучают, может быть. Товарища! Революционера! Ты же идейный, Филипп! Ты же за революцию.

Филипп. Не закручивай мне, девушка! Это тебе не митинг. Плевал я на революцию! Я капиталист! Спасать большевика? Это у тебя от молодости, Санька. Вот смотри, Женька. Тоже играл в революцию. Тоже дружил с Мишелем. А потом донес на него. И пошел ко мне. Человек растет.

Санька. Это же не он донес. Это его мать. Она свое получит.

Филипп. Ого, Женька! Из тебя выйдет толк. Ловко ты забил девушке баки. (К Саньке.) Это донесли и он, и его мать.

Это семья.

Санька выхватывает револьвер.

Женя бросается под скамью.

Токарчук (*дрожжа*). Будет мокрота! Будет мокрота! Квас потечет! Квас потечет!

Филипп (*к Саньке*). А ну, прими балалайку.

Филипп и Имерцаки обезоруживают Саньку.

Филипп (*наставительно*). Нельзя долго держать балалайку в руке, а то она сама начинает играть.

Женя (*вылезая из-под скамьи, к Саньке*). Героиня! Никаких героев нет. Ты слышишь? Все в мире обыкновенно. Ты слышишь? (*Берет у Имерцаки Санькин револьвер.*)

Санька (*бьется в руках бандитов*). Партия приговорила доносчика к смерти. Он умрет!

Филипп. Иди ты со своей партией знаешь куда! Будешь мне голову крутить – я тебя сразу не узнаю.

Санька. Пустите меня! Я должна спасти Мишеля!

Имерцаки. Люди делом заняты, а она лезет со своими Мишелями.

Входит Али.

Али. Санька! Санька!

Али замечает Женю. Оба потрясены.

Женя (*роняет револьвер*). Держите негра! Он видел меня в штабе... (*Выбегает из аптеки.*)

Али. Бангвелло, Мишель, Мишель! (*Поднял оброненный Женей револьвер, выбегает из аптеки.*)

Санька – за ним. Сквозь широкое окно аптеки видна ночная улица. Там пробегает Женя. Выстрел. Женя падает. Свистки.

Филипп. А ну, канем отсюда, быстро.

Бандиты убегают.

Аптекарь (*выходя из своего угла*). Боже мой, что это за время! Что это за сумасшедшее время! Я хочу жить тихо. Отчего я не умер в тысяча девятьсот шестнадцатом году!...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина девятая. ТРИ БОЛЬШЕВИКА

Камера в контрразведке. Взад и вперед по камере шагает Бродский. Голова его забинтована. Останавливается. Поднимает кусок штукатурки. Пишет на стене.

Бродский (*пишет*). «Здесь весной 1919 года сидел коммунист Мишель Бродский. Его выдал Евгений Ксидиас, сын банкирши. Товарищи, убейте доносчика. Пусть другим станет страшно выдавать коммунистов».

Дверь отворяется. В камеру вталкивают женщину. Дверь затворяется.

Бродский. Жанна!

Жанна. Мишель!

Бродский. Жанна, и ты попалась! Пошла в кабачок?

Жанна. Нет, Али меня предупредил, что нельзя в кабачок.

Бродский. Где же тебя взяли?

Жанна. На улице. Я встретила Саньку, она ранена.

Бродский. Она ранена?

Жанна. Но легко. Я отвела ее в аптеку. А сама побежала на верфь... рассказать... и чтобы тебе спасение организовать...

И вот я встречаю Степикова. Я ему рассказываю. В это время нас окружают, понимаешь, белогвардейцы... Меня хватают... А!

Бродский. А Степиков?

Жанна. А Степиков вырвался. И побежал. За ним побежали. И стрельба. И я не знаю, что там было... Может быть, он ускользнул... Теперь придется спасать двоих...

Бродский. Что касается нашей судьбы, Жанна, то – к чему себя обманывать? – все ясно... Мы же шли на это... Я вот о чем думаю, Жанна: один провал тянет за собой другой провал – как бы не добрались до областкома... Что ты делаешь?

Жанна ходит по камере, ощупывает стены, пол, потолок.

Жанна. Отовсюду можно выйти. Нужно только отыскать способ. Понимаешь? (*Садится.*) Он где-то здесь лежит, этот способ. Нужно его отыскать. О! Я, кажется, знаю.

Бродский. Что?

Жанна. Понимаешь, здесь часовой...

Бродский. Ну?

Жанна. Позвать его сюда...

Бродский. Часового?

Жанна. По голове его... Забрать оружие, переодеться – и к следующему часовому. И так до самого выхода. Понял это?

Бродский. Спокойно, спокойно. Слушай меня. Во-первых, часовой не войдет. Во-вторых, если бы даже и попался такой дурак, он не сможет войти, потому что ключи не у

него. В-третьих, если бы даже он и смог войти, мы не можем взять его голыми руками, мы: женщина и раненый мужчина. В-четвертых, если бы мы даже и взяли его, за углом коридора стоит второй часовой, и дальше третий, и вся эта могила набита часовыми. Не расслабляй себя мечтаниями, Жанна. Иди сюда. Давай поговорим, как держать себя на допросе.

Жанна. А все-таки? А если попробовать? (*Смотрит в глазок.*) Часовой! О! Сюда идут! Мишель, рискнем?

Бродский. Жанна!

Дверь отворяется. Вталкивают Марсиаля. Дверь затворяется.

Жанна. О! Кто вы такой?

Бродский. Марсиаль? Это ты, Марсиаль?

Марсиаль (*наигранно*). Боже мой, Мишель! Какая встреча!

Бродский. За что тебя?

Марсиаль. За коммунизм.

Бродский. Тебя одного? Или провалилась вся организация пятьдесят четвертого полка?

Марсиаль. Я не знаю. Они взяли и бросили меня сюда.

Бродский. Не понимаю... Совпадение. Или одна цепь? Предательство?

Марсиаль. Да. Я жертва предателя.

Жанна. Кто предатель?

Марсиаль. Кто? Наверно, кто-нибудь из них – Жув, Селестен...

Жанна. Не может быть! Нет!

Бродский. Ты откуда знаешь это, Марсиаль?

Марсиаль. Я? Я так думаю...

Бродский. Ты так думаешь?

Марсиаль. Ну да... Они ведь не пришли в кафе! А? Ага!

Это подозрительно... Слушай, Мишель, ты случайно не знаешь, что стало с девушкой по имени Санька?

Бродский (*пристально смотрит на Марсиаля*). Тебе что до нее?

Марсиаль. Мне?... Да нет... Я так... Мишель! (*Таинственно.*) Часовой, который стоит здесь в коридоре, мой земляк.

Жанна. Мишель!

Марсиаль. Он согласится взять записку в город.

Жанна. Мишель, пиши в областком: где мы, что с нами, чтоб спасти нас!...

Марсиаль. О! Ну да. Это идея! Пишите!

Бродский. Ему можно доверять, твоему земляку, Марсиаль?

Марсиаль. О! Как мне...

Бродский. Ты в нем уверен?

Марсиаль. Как в себе.

Жанна. Пиши!

Бродский. Надежный парень?

Марсиаль. Ну! Как я!

Жанна. Скорей, Мишель! Какой ты медленный!

*Дверь отворяется. Вталкивают Степикова. Дверь за-
творяется.*

Степиков. Ну, ну, без рук. Мишель. Жанна! Ребята! Ре-
бята!

Бродский. Чему ты радуешься, чудак?

Степиков. Что вы живы! А меня захлопали там. Ты ему
рассказывал? Но областком не тронут... пока что...

Жанна. Я хочу написать записку в областком. Часовой бе-
рется доставить.

Степиков. Верный парень!

Бродский. Вот Марсиаль его знает.

Степиков. Кто?

Бродский. Марсиаль. Вот он.

Степиков. *(потрясенный)*. Здесь Марсиаль?!

Бродский. Да, его только что посадили.

Марсиаль. Э! Салют! Между прочим, случайно не знаете,
что стало с девушкой по имени Санька?

Степиков. Так, так, Марсиаль. *(С рукой в правом кармане,
похлопывая по нему левой.)* У меня тут есть кое-что для вас,
Марсиаль.

Марсиаль. От мадемуазель Саньки?

Бродский. Она мне ничего не передавала?

Степиков. Нет, исключительно для Марсиаля. Топайте
сюда, дорогой, топайте до меня. *(Вынимает из кармана руку
и страшный ударом бьет Марсиаля по лицу.)*

Марсиаль валится.

А, сволочь! *(Снова бьет поднявшегося Марсиаля.)*

Марсиаль снова падает. Бродский и Жанна хватают Степикова.

Жанна. Он с ума сошел!

Степиков *(вырывается)*. Ах ты, гнида! Пустите, я стукну его! Что вы меня держите, идиоты? Он предатель! Он нас всех предал. Его к вам подсадили.

Жанна. Ах, вот что!

Бродский. Так...

Становится тихо. Все трое медленно придвигаются к Марсиалю.

Марсиаль (внезапно начинает бить в двери и кричать).
Спасите! Часовой! На помощь! Спасите!

*Дверь отворяется. Марсиаль выскальзывается. Дверь за-
творяется.*

Степиков. Разболтали явку?

Бродский. Нет.

Жанна. Но было близко к тому. Мишель как-то оттягивал.
Ты что, подозревал?

Бродский. Я стал осторожен. Немножко поздно...

Жанна. Как ты узнал, что он предатель?

Степиков. Жув и Селестен собственными ушами слышали, как ихний лейтенант его инструктировал.

Жанна. Он же выдаст их всех!

Бродский. Жаль, что мы его не...

Жанна. Ух, я бы его своими руками! *(К Степикову.)* По-

чему ты сразу не сказал?!

Степиков. А мне, понимаешь, как увидел я его, прямо кровь в голову ударила. Ничего, он свое получит. Завтра их полк выступает на фронт, и там свои же ребята выдадут ему полным счетом. Они уже уговорились... Мишель, ты бы поспал, а? Правда, приляг...

Бродский. Проспать остаток жизни...

Степиков. Положение наше, конечно, аховое. Но есть надежда... Есть надежда...

Жанна. У тебя есть планы? Скорей! Кончается ночь!

Бродский. Кончается... Да... Все кончается... Но почему так рано?!

Степиков. Конечно, что и говорить, устроились мы не очень уютно, но есть надежда, есть надежда... (*Внезапно оживившись.*) Видишь ли, в чем дело. Фронт здорово приблизился к городу. Завтра решающий бой. И если наши победят, то мы спасены, мы спасены...

Бродский. А не лучше ли, товарищи, посмотреть жизни прямо в глаза, то есть, вернее, не жизни, а...

Жанна. Нет, нет, Мишель! Я верю...

Бродский. Жанна, друг мой, ты сколько солдат сагитировала?

Жанна. Человек, я считаю, пятьдесят. А что?

Бродский. А из этих пятидесяти каждый, считай, тоже по несколько человек сагитировал. И те, в свою очередь, тоже. В общем, наверно, целый полк. Несколько сот человек ты

сделала, Жанна, сознательными людьми. Ей-богу, не даром пожито!

Жанна. Нет, нет, Мишель! Вот утро. Это начало жизни.

Бродский. Уже утро?... Значит, скоро...

Жанна. Я не смерти боюсь, а боли...

Степиков. Жалко, конечно, умирать в такое время. Каж-
дому мало-мальски рабочему охота посмотреть...

Бродский. Ребята, очевидно, сейчас начнется допрос. Тя-
нуть особенно они не будут. Но ведь мы не последние боль-
шевики на земле, черт побери! Когда-нибудь, ну, лет через
пятнадцать, а может, через двадцать, когда будет социализм,
люди скажут: «Вот некогда, в тысяча девятьсот девятнадца-
том году, иностранная буржуазия хотела раздавить молодую
русскую социальную революцию. Было прислано множество
танков, броненосцев, сотни тысяч солдат. И вот нашлись лю-
ди – это были обыкновенные люди, – они работали, чтобы
отдать свою страну трудящимся, они не пожалели для это-
го своей жизни. Им было по тридцать лет...» (*Прислушива-
ется.*) Так вот, значит, сейчас начнется допрос. Следователь
сперва будет ласков. Сначала он предложит папиросы. По-
том он предложит жизнь. Папиросу, кто очень хочет курить,
можно взять, а от жизни придется отказаться. Следователь
разведет философию: «Вы молоды, жизнь хороша...» – и так
далее. Жандармы неизобретательны в философии. Но они
очень изобретательны в другом. Вот тут нам может прийтись
довольно туго, ребята. (*Поправляет повязку на голове.*) Что

ж, выдюжим! Останемся большевиками до конца. Ни одного имени! Ни одного адреса! Товарищи мои! Ну, прощаемся.

Целуются. Жанна издает звуки, похожие на рыдания.

Жанна! Жанна!

Жанна. Нет, это просто насморк...

В камеру входит полковник Фредамбе. Вносят стол и стул. Полковник садится.

Полковник. Я не следователь. Я не полицейская собака. Я солдат. Я не задаю коварных вопросов. Я не вырываю ногтей. Фи! Я наступаю открыто. По-военному. Развернутым фронтом. Я предлагаю вам: жизнь, свободу, поездку за границу. Курите?

Бродский. Вы, солдат, предлагаете нам стать дезертирами?

Полковник. Время пройдет – все забудется. Время – джентльмен.

Степиков. Нет, кроме шуток?

Полковник. Вы взойдете на палубу. Пароход загудит красивым молодым басом, и вы поплывете навстречу прекрасной Европе. Я вам завидую.

Бродский. Мы не взойдем на палубу. Пароход не загудит молодым, красивым басом. Мы не поплывем навстречу прекрасной Европе. И все-таки вы нам будете завидовать. Я вам сейчас докажу это. *(Берет папиросу.)* Мы революционеры. Мы свободные люди. А вы лакеи парижских, лондонских и нью-йоркских спекулянтов. Вас содержат ростовщики. Мы

добываем счастье для людей. А вы – купоны для рантьеров. Нас послал народ, а вас послали лавочники Европы и Америки. Согласитесь, полковник, разница не в вашу пользу.

Полковник (*задетый, но из расчетливости стараясь удержаться на высоте интеллектуального разговора*). Но но, не преувеличивайте, мсье. Я свободный человек. Я здесь по доброй воле.

Бродский (*берет со стола карандаш*). Если бы этот кусок дерева мог рассуждать, он, наверно, был бы уверен (*швыряет карандаш*), что падает по доброй воле.

Полковник. Ну... Разговор несколько затягивается и несколько уклоняется... (*Либеральничая.*) На что вы надеетесь, кучка ослепленных, обманутых людей? Против вас армия союзников: двадцать пять миллионов солдат!

Бродский. Будем откровенны – здесь нет посторонних.

Полковник (*оживляясь*). Да, будем откровенны.

Жанна. Мишель!

Степиков. Ничего, ничего.

Бродский (*таинственно*). Вы боитесь своих солдат еще больше, чем красных.

Полковник. Я думал, что вы умнее. Наши полки – это римские легионы. Они победили мир.

Бродский. Однако эти римские легионы бегут во все лопатки от наших голодных и босых партизан. Да, господин Юлий Цезарь! Вы отступили от Николаева, вы отступили от Херсона, вы отступили от Беляевки, от Березовки, от Тирас-

поля, от Вознесенска. Вы отступите и от Одессы.

Полковник. Мне жаль вас, мсье. Вы кажетесь человеком с головой. Ваши сведения устарели. Вы все еще надеетесь на помощь извне? Но знаете ли вы последние события? Красные войска разбиты!

Бродский. Вы врете! Большевики надвигаются. Они растут. Они окружают. Вот они! Вот они!

Полковник (*рефлекторно вздрогнув и озирая зрительный зал*). Где? О грязные русские! Мы пошлем сюда корпус, армию! Мы растопчем ваши вшивые войска!

Жанна. Посылать войска в Россию – это все равно что посылать их в коммунистический университет.

Полковник. Quant a vous, ma cherie, ca sera une conversation particuliere. Vous etes francaise. L'adresse d'Oblastkom – c'est pas une trahison pour vous. Au contraire – vous avez trahie la patrie, pour vous c'est une redemption de la trahison. Donnez quelques adresses, quelques noms et la patrie vous pardonnera. Vous voyez, je ne suis pas severe ².

Жанна. Когда я смотрю на вас, мне стыдно, что я француженка.

Полковник. Franzaise! Monstre, prive du patriotisme! ³

² Что касается вас, моя милая, – это особый разговор. Вы француженка. Сообщить адрес областкома – для вас это не предательство. Напротив, вы предали родину, и, стало быть, для вас это будет искуплением предательства. Сообщите нам несколько адресов, несколько имен, и отечество простит вас. Я не хочу быть строгим.

³ – Француженка! Чудовище, лишенное патриотизма!

Жанна, Je suis la patriote du socialisme! ⁴

Полковник. Je dois ajouter, mademoiselle, que si vous etes sincere je vous libererai, ainsi que ces messieurs... ⁵ В ваших руках их жизнь.

Степиков. Жанна! Пошли его подальше!

Полковник (*Степикову*). А вы, мсье, вы маленький человек. Эти люди делают карьеру. Это деньги. Это льстит самолюбию. Но вы (*почти поет*) простой рабочий. Простой обманутый рабочий. Неужели вам интересно быть трамплином для этих комиссаров, которые...

Степиков. Убирайся со своими песнями туда, откуда ты приехал!

Полковник. Не злоупотребляйте моей добротой, господа. Адреса!

Молчание.

Развязывайте языки, мои милые! Я устал. Адреса!

Молчание.

Ну, в таком случае...

Распахивается дверь. Входят люди с револьверами. Молча надвигаются они на большевиков.

Адреса!

Вместе:

Степиков. Отставить!

⁴ – Я патриотка социализма!

⁵ – Я должен добавить, мадемуазель, что, если вы будете откровеннее, я вас освобожу так же, как и этих господ...

Бродский. Нет!

Жанна. Никогда!

Люди надвигаются.

Картина десятая. КУДА ВЫ ДЕВАЛИ ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР?

Фронт под Одессой. Поляна. Входят зуавы, рассыпаются в цепи. Связист устанавливает полевой телефон. Лейтенант Бенца и капрал Барбару в стороне под деревом наблюдают в бинокли местность.

Жув. В тысяча девятьсот шестнадцатом году в Мондидье была точно такая позиция. А, Селестен, помнишь?

Селестен. Я пью кофе с девушкой. У нее серые глаза. Она смеется.

Жув. Справа роща, слева мельница. Помнишь? Мы с тобой тогда еще были молокососами, Селестен, а?

Селестен. Темнота. Треск. Мы обнимаемся. Мы целуемся. На экране Макс Линдер.

Жув. Теперь мы старые фронтовики, Селестен, а?

Селестен. Темнота. Ночь. Я иду. На губах у меня поцелуи. Я иду. Ночь. Парк. Дворец.

Жув. Мы старые солдаты, нам по двадцать пять лет, мы по горло в крови – немецкой, австрийской, венгерской, чешской, болгарской. Для комплекта нам хотят добавить русской.

Селестен. Парк. Дворец. Я иду. И вот выходит фельдмаршал. Командорский крест. Толстый живот с золотым шарфом. Все склоняются. Я лезу в карман. Граната. Наша ма-

ленькая круглая граната образца тысяча девятьсот шестнадцатого года. Я ее вынимаю...

1-й солдат. Слышишь, Селестен, сейчас он нас погонит вперед. Что делать?

Селестен. Жув! Сейчас он нас погонит в атаку.

Жув. Ты пойдешь?

Селестен. А ты будешь ждать пригласительного билета? Я не придаю значения этим формальностям.

2-й солдат (*Селестену*). Ну, еще не пора?

3-й солдат. Селестен, начнем, а? С чего мы начнем?

Селестен. Просто бросим эту дрянь. (*Показывает на винтовку.*)

Жув. Так нельзя.

Селестен. Просто повернемся и уйдем. Пусть он воюет, если его это устраивает.

Жув. Так нельзя, я тебе говорю.

Селестен. Почему?

Жув. Наша артиллерия...

3-й солдат. Артиллерия отсюда за три километра.

Жув. Как только ты повернешься, артиллерия, которая отсюда за три километра, схватит тебя своими огненными пальцами за штаны.

Селестен. Понял? Ты поворачиваешься и уходишь – и вот тебе в брюхо влетает бомбо...ньерка, весом в двадцать кило. Интересно?

4-й солдат. Откуда артиллерия узнает?

Жув. А эта штука! (*Указывает на телефон.*)

Селестен. В крайнем случае заткнем лейтенанту рот.

Жув. Чем?

Селестен. Вот этим кляпом. (*Показывает винтовку.*)

Жув. Тише.

Селестен. Лейтенант не слышит, а любознательный Марсиаль ушел так далеко и лег так глубоко, что он больше никогда ничего не услышит.

1-й солдат. Но, кроме того, есть капрал.

Жув. Капрал!

Барбару (*подходя*). Что?

Селестен. Барбару, ты не будешь нам мешать, если мы захотим пройтись обратно?

Барбару. С вами будет поступлено по уставу.

Селестен. Ну-ну, Барбару.

Барбару. Предупреждаю вас, как старых товарищей.

Жув. Хочешь заработать нашивки сержанта?

Барбару. Еще одно слово, и я тебя арестую. Занимайся своим делом, корова!

Жув. Если бы Мишель слышал тебя, он бы пожалел, что пожал тебе руку.

Селестен. Да. Мишель пожалел бы, что испачкал свою руку о твою.

Барбару. Это разговоры для тыла. Ты на работе. Занимайся! (*Отходит.*)

Селестен. Я знаю Барбару. Старик нас не тронет,

Жув. Скажи ребятам.

Селестен и Жув перешептываются с другими зуавами.

Барбару подходит к лейтенанту.

Барбару. С вашего разрешения, мой лейтенант, я разведую местность правее опушки роци. (*Уходит.*)

Селестен. Видишь, старый хитрец дипломатически удалился.

Лейтенант. Прицел две тысячи четыреста! Беглым огнем! Цель – неприятель левее мельницы, нечто зеленое, движущееся. Вы все видите цель?

Жув (*про себя*). Это рабочее.

Лейтенант. Что такое?

Жув (*бормочет*). Для вас это «зеленое движущееся», а для меня это – рабочее.

Лейтенант (*не расслышав*). Разговоры на линии огня!

Слышен зуммер телефона.

Телефонист. Монмартр! Пароль – Монмартр! Слушаю. (*К Бенуа.*) К телефону командира.

Лейтенант (*берет трубку*). У телефона лейтенант Бенуа. Вперед на триста метров? Слушаю. (*Кладет трубку.*)

Селестен. Мой лейтенант...

Лейтенант. Перебежка с левого фланга по одному!

Селестен. Мой лейтенант, тут есть мнение...

Лейтенант. Вперед!

Селестен. Тут есть мнение, что идти вперед бесполезно.

Лейтенант (*приближаясь*). Что такое?

1-й солдат. Там обойдутся без нас.

2-й солдат. Мой лейтенант, это обидно. Заключен мир.

Почему я должен воевать?

Селестен. Дурак! Война бывает не только во время войны.

Война бывает и во время мира.

3-й солдат. Идти под пули, но ради чего?

4-й солдат. Мы с русскими поладим и без этого. *(Потрясает винтовкой.)*

1-й солдат. Пятьдесят два месяца я таскаю эту дрянь. Она мне надоела! *(Швыряет винтовку.)*

Жув. Подними, она тебе пригодится.

Лейтенант. Солдаты! Вы защищаете родину! Вперед!

2-й солдат. Кому нравится, пусть идет вперед. Я подожду.

Селестен *(лейтенанту, радушиным жестом простирая руку вперед)*. Пожалуйста! Вы нам расскажете, что там, впереди.

3-й солдат. Там, во Франции, мы защищали родину. Допустим. Ну, а здесь что?

4-й солдат. В конце концов мы приехали сюда не для того, чтобы сражаться.

1-й солдат. Я вас спрашиваю: где Версальский мир? Куда вы девали Версальский мир?

Жув. Здесь никто не будет сражаться с рабочими. Здесь рабочие. Ну, что ты выпучил на меня глаза? Что, ты меня никогда не видел? Это я, Жув, которому ты предлагал десять тысяч франков, чтобы я продал большевиков, щедрый гос-

подин. Вот я хочу тебе отплатить за твою доброту. *(Поднимает винтовку.)*

Селестен. Спокойствие, мальчики! Без глупостей!

Лейтенант *(бежит к телефону, берет трубку)*, Монмартр! Пароль – Монмартр! Третья батарея! Говорит лейтенант Бенуа.

Зуавы тем временем перерезают провод.

Здесь бунт! Слышите? Бунт! Алло! Алло! Монмартр!

Зуавы окружили лейтенанта, он бросает трубку.

Селестен. Ну, что ты стоишь с таким видом, точно у тебя запор? Скажи солдатам словечко!

Лейтенант. Дети мои, опомнитесь... Я вас предупреждаю.

Каторга, расстрел.

2-й солдат. Ты хотел нас подвести под артиллерию!

3-й солдат. Они Гастона убили! Замучили его в контрразведке!

1-й солдат. Я вас спрашиваю: куда вы девали Версальский мир?

4-й солдат. Долой лейтенанта!

Лейтенант. Что вы хотите со мной сделать?

Жув. Мы хотим сыграть тебе песенку на наших гитарах.

(Поднимает винтовку.)

Селестен. Спокойствие, мальчики, спокойствие!

(Прицеливается в лейтенанта.)

Все стреляют в лейтенанта. Он падает. Тело оттаскивают за дерево.

Входит Барбару.

Барбару. Что случилось? Где лейтенант?

Жув. Он отправился далеко. К своему другу Марсиалю.

И тем же путем. *(Показывает тело лейтенанта.)* Его убили в перестрелке. Понял?

Барбару. Что вы сделали? Вы понимаете, что вы сделали?

Жув. А! Ты хочешь, чтоб тебя тоже убили в перестрелке?

Зуавы скручивают трехцветный французский флаг таким образом, что от него остается одна красная полоса.

Барбару. Вы понимаете, что значит этот красный флаг?

Вы понимаете? Это бунт!...

Все. Домой! В Одессу! В море! Во Францию!

Картина одиннадцатая. НА ОДЕССУ!

Та же поляна. На ней палатка с флажком: «Штаб». Кругом – простреленные и изодранные знамена с надписями: «Власть Советам!», «Земля – трудящимся!», «Смерть капиталу!», «Хай здохнуть паны!» Звуки автомобильного рожка.

1-й партизан. Машина! Она с белым флагом!

2-й партизан. Парламентеры!...

На поляну входят полковник Фредамбе и капитан Филли-атр.

Повстанцы окружают их.

Голоса:

– Какие гладкие!

– Як кабанчики!

– Эй, господа парламентеры, сапоги не сменяем?

Хохот.

– Да чего менять, просто тащи с него.

– А верно!

Полковник (*озирая повстанцев*). И это победители могущественной Антанты...

Из палатки выходит Бондаренко.

Господин генерал! Главное командование союзными силами решило отозвать свои войска с юга России, дабы уменьшить число едоков в вашей стране.

Бондаренко. Очень любезно.

Полковник. Это официально, а чтоб быть ближе к истине, я уполномочен вам заявить, что настоящая причина эвакуации лежит в гуманном желании союзного командования не проливать больше крови.

Бондаренко. Я растроган!

Полковник. Господин маршал, позвольте быть откровенным, как водится между солдатами. Мы решили с сегодняшнего дня начать эвакуацию. Для этого нужно время. Мы предлагаем вам не входить в Одессу еще десять дней. Таково наше предложение.

Бондаренко. Итак, вы решили уйти как раз в тот момент, когда вас выгоняют!

Полковник. Вы говорите тоном победителя! Здесь нет победителей. Мы пришли не для того, чтобы обсуждать с вами политику великих держав. Она вне нашей компетенции. Речь идет об эвакуации Одессы. Прошу вас не уклоняться от темы.

Бондаренко. Вы не спрашивали нас, когда занимали нашу землю. Так не требуйте ответа, когда покидаете ее. Мы идем в Одессу. Мы придем, когда мы придем. Мы будем там делать то, что мы будем там делать.

Полковник. Я еще раз прошу не считать нас побежденными!

Бондаренко. Я повторяю: вы побеждены. Я предлагаю вам: во-первых, власть в Одессе передать Совету рабочих

депутатов; во-вторых, остерегитесь увозить с собой суда из одесского порта и ценности из одесских банков. Они принадлежат трудящимся.

Полковник. Вы мне ставите условия? Никакого Совета я не знаю! Красный флаг я признаю пиратским!...

Капитан. Полковник, у революции свои законы. Будем их уважать.

Полковник. Нас пятьдесят тысяч! Мы повернули на вас жерла дредноутов! Наши солдаты...

Бондаренко. Ваши солдаты – это наши солдаты. Фронта нет. Перед нами пустое место. Вы побеждены! Если нет, остановите нас. Если вам не нравится мой тон, уходите.

Капитан. Не будем заострять отношений. В сущности, нам не о чем спорить. Мы уходим. Нам нужно для эвакуации десять дней. Через десять дней вы сможете вступить в Одессу.

Бондаренко (*простирая руку*). Одесса видна. Вам остается на эвакуацию столько времени, сколько нам нужно, чтобы дойти до Одессы. Завтра мы будем в Одессе.

Капитан. Я уважаю ваши принципы, гражданин. Все же я думаю...

Полковник. Оставим это, капитан. Я потом сообщу свое решение. Переходим к вопросу о пленных.

Бондаренко. Я готов меняться пленными. У меня есть несколько ваших офицеров. Я готов отдать их за трех наших товарищей, которые сидят в вашей контрразведке.

Полковник. Кто они?

Бондаренко. Бродский, Степиков, Жанна Барбье.

Полковник. Это невозможно.

Бондаренко. Невозможно? Они бежали?

Полковник. Их осудили. Они казнены.

Бондаренко. Казнены? Все трое?! Мишель, Жанна, Степиков? Вы это называете казнью? (*Кричит.*) Ребята!

Сбегаются повстанцы.

Умерли замечательные товарищи, каких я когда-либо знал: Бродский, Степиков и Жанна Барбье... Убиты люди, которые, действуя в тылу у интервентов, сумели сделать бесильной пятидесятитысячную армию Антанты, знаменитую армию, которая сражалась у Вердена и победила. Сделали это несколько большевиков без всякого оружия, простым человеческим словом, потому что они говорили правду на языке, который понятен всем трудящимся, будь они желтые или черные, одеты в голубую форму или в серую. И вы их убили... Всегда революции возвышали людей, делали их чище, справедливее. Но ни одна революция в мире не давала людей такой чистоты, такой самоотверженности, такой ясности ума, такой силы, такой человечности, как наша русская пролетарская революция. Такими были наш Мишель, Степиков и Жанна. Такими когда-нибудь будут все люди. За это мы боремся... Так, значит, их нет? Не знаю, что удерживает меня от того, чтобы застрелить вас тут же, на месте... Уходите. И передайте одесской буржуазии, что я советую ей уйти до нашего прихода. Уходите! Уходите! (*Обращается к парти-*

знам.) На Одессу! На Одессу!

Полковник (*поспешно уходя*). Вы хотите войны? Хорошо! Мы вам приготовим встречу. (*Убегает с Филлиатром.*)

Крики: «На Одессу! На Одессу! На Одессу!». Факелы. Звон оружия. Крики. Ржанье коней. Песни.

Картина двенадцатая. БРАТСТВО

Пристань. Гигантский, как стена, борт парохода. Он называется «Империя». Трап длинный, крутой. У трапа внизу белый офицер. Перед ним толпа.

Офицер. Паспорта, паспорта, предъявляйте! Господа, соблюдайте порядок! Вы едете за границу. Вас наблюдают иностранцы. Все успеете. Паспорта! Паспорта!

По трапу проходят на пароход господа и дамы, богато одетые и крайне взволнованные.

1-й господин петербургской наружности. И вы здесь?

2-й господин петербургской наружности. Ну, как вам все это нравится?

1-й господин. Здесь вся империя!

2-й господин. Так, значит, это правда, что союзники уходят?

1-й господин. Вы слышите треск?

2-й господин. Вот вам ваши иностранцы!

1-й господин. Это трещат балки старого мира... Две тысячи лет стоял он – и вот рушится на наших глазах...

Дородный господин (*обращаясь к Имерцаки*). Вот вы, сударь, не имею чести вас знать, но, судя по внешности, типичный русский интеллигент.

Имерцаки, польщенный, играет своим асимметричным лицом.

Должно быть, земец, либерал, носитель высокой духовности русского народа. Что вы, идеалист, богоискатель, будете делать в Европе – бездушной, материальной Европе?

Имерцаки. С моей специальностью я нигде не пропаду, кроме как в Советской России.

Дородный господин. А какова, позвольте узнать, ваша специальность?

Имерцаки. Я шулер. *(Легко взбегает по трапу.)*

Дама *(проходя по трапу)*. Будь прокляты большевики! Будь прокляты союзники, которые нас покидают! Будь прокляты мы сами за то, что мы так слабы!

Белый офицер *(обвешанный оружием, идет за ней)*. Но уверяю тебя, Верочка, что большевики и месяца не удержатся у власти. Да и может ли ничтожная кучка жалких бунтовщиков править огромным, могучим народом, который...

Дама. А! Значит, они ничтожны? Значит, они жалки? Почему же вы, мужчины, военные, их не прогоните? Вы не хотите! Вы не хотите!

Белый офицер. Но уверяю тебя, Верочка, это не так легко. Их страшно много. Все мужики, все мастеровые...

Проходят на пароход.

Спекулянт *(некогда явившийся в кабачок в одном, белье; восклицает негромко, однако и не тихо)*. Есть доллары! Есть фунты! Леи даю! Драхмы даю!

2-й господин петербургской наружности. Франками интересуетесь? Даю.

Спекулянт. Кто сейчас интересуется франками? *(Тихо.)*
Нет ли советских?

2-й господин. Перцем интересуетесь? Есть два вагона перца. *(Вынимает пробу.)*

Оба рассматривают ее.

Невиданный перец. *(Чихает.)*

Спекулянт. Видали мы такой перец. *(Чихает. И вдруг меняется в лице, увидев Фильку-анархиста.)* Прощайте! *(Всходит на пароход.)*

Появляются Филька-анархист и Мария Токарчук. Сходит с трапа Имерцаки.

Филипп. Ну, зачем я уезжаю? Я привык к Одессе. Я люблю халву и горчичные бублики с маком. Где я все это буду иметь – в Париже или Лондоне?

Имерцаки *(саркастически)*. Ты много бубликов увидишь у Советской власти, Филипп.

Филипп. Власти уходят, власти приходят, бандиты остаются. Останемся! Мы еще поработаем. Мы еще будем взламывать и взламывать.

Имерцаки *(с горечью)*. Где? В кооперативах? *(Проходит на пароход.)*

Филипп *(увидев Ксидиас)*. Ах, какая гагара! Какая богатая гагара!

Появляются мадам Ксидиас и господин богато одетый.

Ксидиас. Моя верфь! Мои склады! Мои дома!

Господин. Зиму мы будем проводить в Италии, а лето в

Норвегии.

Ксидиас. И моя банкирская контора! И мои кассы!

Господин. Но в этой сумке у вас больше богатств, чем во всех ваших кассах.

Ксидиас. Мы вернемся! Мы вернемся!

Господин. Мы вернемся! Мы вернемся!

Филька-анархист приближается к мадам Ксидиас. Увидев его, она взбегает на пароход. Он и Мария Токарчук – за ней. Входит воинская часть союзников.

1-й господин петербургской наружности. Бальзаки! Вольтеры! Флоберы! Черт бы их побрал!

2-й господин петербургской наружности. Разве это нация? Труссы! Трусишки!

1-й господин. В третий раз на моих глазах разлагаются в России великие армии. В семнадцатом году разложилась царская армия – ну, это была революция. В восемнадцатом году разложилась здесь же германская армия – ну, это были побежденные. И вот это ужасное зрелище повторяется в третий раз с могущественной союзной армией. Ведь они победители... Проклятая почва!

Оба всходят на пароход. Гудок.

Барбару. Ну, детки, становись. Подыдемся на борт.

Входит полковник Фредамбе.

Полковник. Капрал, какой части ваши люди?

Барбару. Пятьдесят четвертого пехотного, мой полковник!

Полковник. Как они винтовки держат? Что за вид? Что за красные лоскутки на мундирах? Капрал! Подтянуть людей!

Жув. Смотри, чтобы мы тебя не подтянули за шею.

Полковник. Что такое? Кто это сказал?

Жув. Это я сказал.

Селестен. А я это подумал.

Полковник. Ах, так! Марш в строй! На пароход!

Селестен. Мальчики! Не сыграть ли ему песенку на наших гитарах?

Жув. Подожди, дойдем до Марсея, всех вас бросим в воду.

Полковник (*отступая*). Капрал! Ведите людей на пароход! (*Уходит на пароход.*)

Барбару. Становись! Взять винтовки как следует. Сними-ка эти тряпочки с мундиров! Ну-ну, принять солдатский вид. Что подумают об армии при виде таких свиней? Жув! Селестен! Вы что, оглохли? В строй!

Селестен (*протягивая руку*). Ну, Барбару, кланяйся от меня землякам.

Барбару. Тебе еще не надоело шутить? Ты знаешь, что только что в разговоре с полковником ты дошутился до тюрьмы? Да, это пахнет тюрьмой, мой милый! Стань в строй, корова!

Селестен. Жув! Он мне не верит!

Жув. Что ж, ты попрощаться с нами не хочешь? Мы остаемся. Ребята, мы с Селестеном остаемся.

Все. Честное слово! Что за идея!

Барбару. Эх, коровы, коровы! Пять лет мы не расставались...

Гудок.

Селестен. Ну, прощайте, мальчики! Что вы смотрите на меня с таким ужасом? Вы знали Селестена, веселого парня, не дурака выпить и любителя хорошеньких девочек. Я все тот же, но, кроме того, я стал коммунистом. Да, черт возьми, я остаюсь здесь. Я буду драться за революцию. Это значит – за вас, черти! Вы еще не поняли этого? Прощайте же, мальчики! Не забудьте исполнить обещание, которое вы дали полковнику: бросить его в воду. Иначе он обидится. Ну, идите. Веселить вас по дороге вместо меня будет Эмиль. От его остроумия у вас появится сон и пропадет аппетит. Слушайте меня, мальчики! Вот вы вернетесь на родину. Вы разойдетесь по всей стране. Одни станут у машин. Другие пойдут в виноградники. Третьи спустятся в рудники. Четвертые поплывут на кораблях, и звезда будет лететь над ними. Но всюду – на палубе, под землей, за столиком кафе – вы будете рассказывать историю одесской интервенции. Пусть по всей стране пройдет рассказ о том, как мировая буржуазия хотела скрутить рабочую революцию, и как она прислала для этого многотысячную армию, и как между солдатами союзников и русскими рабочими, вместо огня и крови, возникло братство. И как это братство поднялось выше всего. Выше языка, выше религии, выше расы. И всякий, кто услышит

этот удивительный рассказ – наши жены, наши дети, наши товарищи, – крепко запомнит его. Потому что пройдут годы, затянутся раны, вырастут дети, и буржуазия решит, что вот пришло время, когда можно наконец затоптать Советскую власть, и снова – вы увидите, мальчики! – будут розданы патроны, и снова – вы услышите, мальчики! – будут сказаны слова: «За цивилизацию! За свободу!» Но мы уже знаем, где настоящая свобода! Да, мы возьмем патроны, но мы найдем для них свою цель! Спешите, мальчики, уже убирают трап.

Жув. А полковнику передайте, что мы с Селестеном не дезертировали. Мы просто перешли в другую воинскую часть.

Селестен. В третий сводный полк имени Феликса Дзержинского!...

Али прыгает с трапа на берег,

Али. Сингу! Мбоанго! Мишель!

Жув и Селестен (вместе). Али! Али! К нам!

Пароход отчаливает. Три солдата медленно поднимаются по лестнице в советский город.

Занавес

1933